

С. 2
**Начинать нужно,
безусловно, с соборности,
идущей снизу,
рождающейся от живых
отношений единства и
любви между верными**

Слово священника Георгия Кочеткова в день памяти отцов Первого Вселенского собора

С. 6
**«Особенность этой
конференции в честном
разговоре по душам»**

Участники конференции по катехизации рассказывают о том, какие вопросы и какие ответы в ходе обсуждения показались им наиболее важными, о чем еще хотелось бы подумать, а какие проблемы пока остаются без ответа

С. 7
**Возможно ли заниматься
оглашением
с помощью иконописи**

Как начать заниматься оглашением с помощью иконописи – вопрос. Он в том, чтобы в оглашение входил образ Христа. Условность, символика – не это важно для оглашения, а прежде всего, важно видение лика Спасителя

Приложение «Регионы»

Вельск – небольшой старинный северный город между Архангельском и Вологодой, получивший к концу XVIII века статус уездного, а с ним герб и флаг. Публикации этого номера, рассказывающие и об истории минувшего века, и о современных событиях, подготовлены вельским Свято-Стефановским братством

Тема номера Конференция СФИ по катехизации

В президиуме – председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак, глава оргкомитета конференции Владимир Якунцев, преподаватель СФИ Максим Зельников

Как сдвинуться с мертвой точки

В ежегодной богословско-практической конференции СФИ приняли участие более 90 человек (в том числе 23 священнослужителя) из 29 городов 7 стран (Беларусь, Бельгия, республика Кипр, Латвия, Молдова, Россия, Турция). В течение трех дней работы конференции прошло 7 круглых столов, прозвучало 11 докладов. На наши вопросы о конференции ответили ее участники и организаторы.

**Какие проблемы были
поставлены за эти два дня?**

В.И. Якунцев, председатель оргкомитета конференции: Основная проблема, о которой говорили на конференции, – это отсутствие и редукция самой керигмы, самого возвещения как факта в современной церковной православной практике. Да,

мы можем услышать многое – рассказы, доклады, повести, комментарии, лекции на тему христианства: каково оно в современном мире, каковы его особенности, какова традиция. Но очень редко можно услышать настоящую проповедь Христа, настоящую проповедь Царства Божьего и призыв оставить всякое иное послушание, кроме послушания Христу, всякую иную надежду, кроме как надежду на Христа, и с возвещением той ответственности, которую человек несет, когда он делает тот или иной выбор. И это действительно ощущается как некий разрыв традиции, потому что возвещение Евангелия есть основное священнослужение всех верных, всех христиан, и это основа основ церковной жизни. Вот в этом и есть основная проблема.

Окончание на с. 7

Патриотизм подлинный и мнимый

В декабре минувшего года в Культурно-просветительском центре «Преображение» прошла встреча членов Преображенского братства, посвященная церковно-общественным проблемам. Мы уже публиковали некоторые материалы этой встречи, а именно фрагмент доклада прот. Георгия Митрофанова, в наших предыдущих номерах.

Сегодня мы хотели бы предложить еще один фрагмент – часть беседы о подлинном и мнимом патриотизме, которая началась с чтения стихов русской эмиграции, обсуждения вопросов о том, в чем причины тяжелого положения страны (особенно в провинции), чем является сегодня патриотизм, имеет ли смысл возвращение старых названий улиц и городов и можно ли сегодня называться дворянином после того, как в течение нескольких поколений дворян истребляли.

Священник Георгий Кочетков:

Я не очень верю в то, что история XX века ниспослана нам Богом. Или даже Им попушена.

И мы все знаем ответ на вопрос, был в это время с нами Бог или не был: с кем-то был, а с кем-то – нет. Поэтому я думаю, что надо переименовывать улицы. Это достойное дело, это возвращение памяти о том, что было, что не вернется никогда – но оно было. Это лучше, чем любые советские названия. Надо убирать памятники Ленину, как и другие им подобные. Надо чистить свой дом. Что можно поставить из старого хозяйства на место – надо ставить. Надо поставить памятник Александру III на Знаменской площади¹ в Петербурге – тем более что теперь мы хорошо знаем, что об Александре III можно говорить не только плохое.

Нам надо, мне кажется, идти глубже в понимании нашей истории XX века и предшествующего времени. Как и всякая история любого народа, любого государства, она многогранна, неоднозначна, противоречива, и мы имеем полное право любить именно эту Россию... Такую, в какой Бог дал нам родиться, вспоминая известные слова². Пушкин не был квасным патриотом. Он был патриотом настоящим – у меня нет в этом никаких сомнений. Он был человеком, который трезво видел темную сторону России, но и умел ценить ее достоинства, которые тоже прекрасны знал.

А вот у нас с вами часто на самом деле нет патриотических чувств, мы действительно не любим и не ценим свое наследство.

Окончание на с. 4

О чем рассказывает православная культура

**Интервью с участниками ежегодной
богословско-практической конференции
СФИ по катехизации**

Недавно одного преподавателя Основ православной культуры и этики уволили из школы – родители возмутились тем, что он «вместо того, чтобы обучать детей православия, говорил им о Христе и читал Библию». И возникает ощущение, что в обществе о православии представление больше как о вере, связанной с обрядами, чем со Христом. Как Вам кажется, существует ли действительно такой разлад? И если да, то как его преодолеть?

Священник Андрей Мояренко, первый проректор Кузбасской семинарии: Если речь идет о модуле «Основы православной культуры и этики», то методологически реализовывать этот предмет можно только через культурологический подход. Это не вероучительный предмет.

Однако в данном случае мне не совсем корректно делать выводы из того, что произошло, не владея ситуацией целиком. Скажу только, что разговор о Христе и Библии может быть построен на культурологических принципах. Будем довольствоваться этим.

А то, что народ интересуется, прежде всего, обрядовая сторона, «тёмный лик» (по В.В. Розанову) Христа, мы только что обсуждали, скажем, на парадоксаль-

ном примере популярности книги «Несвятые святые». Был «пойман тренд», книга пошла, тираж – почти два миллиона экземпляров, а вслед за ней с похожей обложкой, цветом, рисунком – *видна рука мастера – дизайнера-маркетолога* – другие подобные книги, где если и есть слова о Христе, то какие-то очень опосредованные... своего рода «закопченный лик» Спасителя, хоть и на злобу дня «елейно-благоухающий».

Другое дело, что в нормальном случае можно подогревать интерес к качественной литературе. Но ситуация показывает, что задачи у простого «церковного менеджера» другие: продать большее количество книг, а для этого понять спрос и сделать соответствующее ему предложение. А ведь спроса на качественную литературу не будет, если о ее значимости не говорят прямо, не отстаивают ее необходимость и достоинство. К сожалению, чаще всего у приходского священника нет времени этим заниматься, и всем понятно, по каким причинам, не будем их повторять.

Священник
Андрей Мояренко

Окончание на с. 8

Прощание апостола Павла с ефесянами. Рисунок Юлиуса Шнорра фон Карольсфельда, XIX в.

Дорогие братья и сестры, сегодня и праздник Воскресения, и праздник Вознесения, и память отцов Первого Вселенского собора. Сегодня я хотел бы остановиться на последнем из этих событий, вошедших в духовное Предание, в духовный опыт, в духовную жизнь всей церкви.

Конечно, когда отцы в первый раз собирались по призыву императора на Вселенский собор – это в каком-то смысле было даже новое откровение. Пусть соборы существовали в церкви начиная с самых ранних времен, но более или менее регулярными они стали только с третьего века, и они не носили характера вселенских: собирались епископы какой-то области и обсуждали насущные проблемы жизни местной церкви.

И вдруг в начале четвертого века, в 325 году в Никее собрался Первый Вселенский собор. А потом наступила даже целая эра вселенских соборов, которая закончилась в восьмом веке. Хотя относительно окончания этой эры до сих пор идут споры: а может быть, были вселенские соборы и в девятом веке, а может быть, еще и в двенадцатом или в четырнадцатом? Но споры такие будут идти бесконечно. Самое же главное – принцип соборности стал со времен Первого Вселенского собора пониматься в церкви несколько по-новому. Раньше, до этого, соборность, кафоличность церкви воспринималась прежде всего как собранность церкви изнутри, как единая жизнь в Духе, как «единство духа в союзе мира» (Еф 4:3), как сказал апостол Павел. А вот после собора акцент изменился, и соборность в церкви начали видеть во вселенских соборах. Она оказалась как бы дополнена новым смыслом, который по-другому называется консилиарностью¹. Собрание как бы подтверждало принцип соборности: если епископы из разных областей, разных церквей, люди самые разные могут собраться и единодушно принимать какие-то важные духовные решения, касающиеся как текущей внешней жизни церкви, так и внутренней, касающиеся веры, то, конечно, это как-то подтверждало настоящую соборность церкви.

Я уже говорил, что более или менее известно, когда началась эта эпоха, а вот когда она закончилась и закончилась ли она вообще, никто толком не знает. В церкви это до конца не осознано до сих пор. Вы наверняка знаете из многочисленных источников, что сейчас во всем православном мире идет разговор о созыве Всеправославного собора. Что такое Всеправославный собор, сказать довольно сложно. С одной стороны, это что-то традиционное, в духе все той же консилиарности и понятой через нее соборности, а с другой стороны, не все здесь получается, потому что в наше время в самой жизни церкви появилось нечто новое.

Мне хотелось бы, чтобы вы знали, что соборы Западной церкви, которые проходили после разделения церквей, в ней назывались и до сих пор называются вселенскими. Я уж и не помню, сколько их. Но и Первый, и Второй Ватиканский собор тоже у них называются вселенскими. Конечно, решения всех этих соборов не распространяются на Восточную церковь – на православную церковь, поэтому вселенскими их можно назвать в больших кавычках, что бы ни утверждали при этом наши замечательные братья католики.

А что у нас? Будет собор через неделю или не будет, один Господь знает. В январе этого года всеми поместными церквами было принято общее решение собрать Всеправославный собор в июне. А сейчас четыре церкви отказались от участия в соборе, и что будет совершаться в ближайшее время, сказать трудно². Но ведь дело не в этом. Я думаю, что на самом деле все колоссальные трудности, сопряженные с созывом, формой проведения и принятия решений этого собора, связаны не просто с дезинтеграцией церковной жизни, а с тем, что снова надо менять понятие самой соборности. Церковь, выйдя из Константиновской эпохи – если она действительно вышла из нее, – уже не может определять соборность через консилиарность. Сейчас снова надо возвращаться к тому понятию соборности, которое было в церкви до Первого Вселенского собора. Тогда будут возможны и соборы, тогда будет возможно настоящее единство, которого на сегодняшний день нет. И нам с вами нужно всерьез на это обратить внимание. Мы празднуем память отцов Первого Вселенского собора, а являемся ли мы их наследниками? В каком-то смысле – да, и мы всегда ими будем. Но в каком-то смысле не совсем, потому что мы еще и наследники своей эпохи – иной эпохи.

Если Константиновский период церковной истории закончился, если «нерушимый союз» церкви и государства должен прекратить свое существование как неугодный Богу в наше время, значит, просто механически продолжать вселенские или какие-то всеправославные, панортодоксальные соборы и невозможно, и не нужно. Можно по этому поводу сколько угодно писать статей, сколько угодно размышлять, говорить. Все можно. Но толку не будет никакого, как и сейчас мы это видим. Многие умные люди вдруг неожиданно проявились, включились, иногда пишут вроде бы неплохие, небестолковые по мыслям вещи. И тем не менее не будет толку от этого. Это все пустое, потому что жизнь ушла в другую сторону. Хорошо это или плохо – вопрос другой, но это так. И когда всё пытаются искусственно вернуть в старое русло, снова мечтая о симфонии церкви и государства и пытаясь ее осуществлять, получается всегда очень неловко и даже дискредитирующие для церкви. А ведь если люди отталкиваются от церкви, то они, скорее всего, теряют и путь к Богу, и это ужасно, это трагедия для всякого человека.

Нельзя согласиться с попытками вернуться в прошлое, которое невозвра-

тимо ни при каких условиях, кто бы ни был у власти в церкви или в государстве. Конечно, за этим стоит определенная философия истории. Сейчас нет никакой возможности говорить об этом подробно, но тем не менее я должен сказать, что это, конечно, не просто эмоциональные утверждения или внешние наблюдения, это нечто значительно более серьезное.

Поэтому мы должны быть очень внимательны к нашему времени. И если кто-то из вас интересуется церковной жизнью и понимает, какое значение может иметь собранный или не собранный Всеправославный собор, каковы могут быть последствия всего этого, если люди разбираются в этом хоть как-то, то очень важно понимать, что же надо делать по воле Божьей. Я глубоко убежден, что нет воли Божьей на продолжение эпохи вселенских соборов. Их нет и не будет. И даже если соберется через неделю Всеправославный собор, вселенским он не будет – восьмым ли или двадцатым восьмым, совершенно неважно. Традиционно считается, что их было семь – и можно спокойно поблагодарить за это Бога. История вселенских соборов была сложной, неоднозначной, трудной, но в целом все-таки чрезвычайно важной для всей церкви, для всех ее чад.

И вот эта эпоха действительно закончилась, и нужно искать, как выражать нашу соборность, как её воплощать. И начинать нужно, безусловно, с соборности местной, идущей снизу, рождающейся от живых отношений единства и любви между верными – верными Христу, Церкви и друг другу людьми. Когда она будет вырастать снизу, из почвы, от живых соков благодати, эта соборность обновится, и раскроется по-новому, и обретет силу, и снова и снова поможет людям преодолевать все искушения и соблазны разделения, индивидуализма, национализма (который можно назвать и филетизмом – искушением, осужденным на одном из константинопольских соборов, когда люди любят только людей своей нации, своего народа и больше никого; этому подвержены, к сожалению, все современные нации в разной форме и разной степени, и, увы, от этого никто не свободен – иллюзий здесь тоже не должно быть никаких).

Так вот, очень важно возрождать церковную соборность, потому что без этой соборности нет кафоличности, а без кафоличности нет самой Церкви. Нет того, что принес нам Христос как дар совместной жизни, как дар жизни нового Народа Божьего, нового Израиля, которым и является христианская Церковь. Нет уже ветхозаветной веры. Есть новый Израиль, и есть новозаветная вера, и один Народ Божий – один святой Народ, где тоже могут быть верные и менее верные или неверные люди, как это всегда было и в дохристианскую эпоху, в старом Израиле. Но важно, чтобы церковь явила себя как Церковь, как новый христианский Народ, потому что именно он является светом миру и солью земли. А сейчас у человечества есть огромный соблазн отторгать этот Божий дар, «преодолевать»

его и, показывая пальцем на недостатки или грехи отдельных христиан или христианских структур, делать неправомерный вывод о том, что все христианство ничего не улучшает в этом мире, а если и давало что-то всему человечеству, то больше дать ничего не способно. Это совершеннейшая неправда, это клевета на благодать Божью, на Самого Бога и, конечно, хула на Церковь.

Но чтобы можно было не просто оценочно об этом судить, а доказать это, нам нужно измениться, как бы заново понять, увидеть тайну Церкви, раскрыть ее в себе и через себя. Поэтому мы и говорим, что христиане должны жить в общении и служении, должны стремиться – хотя бы стремиться – создавать общины, братства и другие формы единения, какие-то духовные движения, которые бы улавливали волю Божью лучше любой неповоротливой и слишком связанной с внешними обстоятельствами церковной структуры.

Так что, дорогие братья и сестры, уже сегодня мы чтим память отцов Первого Вселенского собора и перед нами встал вопрос, наследники мы этих отцов или нет, давайте думать и об этом. Потому что это, может быть, самое трудное и самое важное, и не только потому, что через неделю назначено открытие Всеправославного собора. Но и это событие не случайно: наверное, оно покажет церкви во всем мире, что жизнь действительно поменялась, и церковь должна увидеть в этом перст Божий и волю Божью, чтобы ее исполнить. Ведь тот, кто не исполняет волю Божью, всегда грешит. Даже если индивидуально он не имеет грехов и, может быть, живет праведной жизнью, но не идет вместе с церковью, новым Народом Божиим, туда, куда ведет ее Христос, это очень большой грех, за который расплачиваться будут все. И уж конечно, каждый такой человек.

Поэтому, дорогие братья и сестры, будем всегда очень внимательны. Господь неслучайно дал нам историю и неслучайно вложил в нее очень не лежащий на поверхности смысл. Наверное, неслучайно Он нам показывает новые знаки и знамения, чтобы мы не сомневались в тех путях, которые открыты Богом, чтобы мы могли с открытым сердцем делиться теми дарами, которые Он нам дал: делиться и друг с другом, и с людьми нецерковными или неверующими, и с христианами других конфессий, потому что новое направление жизни церкви существует везде, во всех православных церквах и во всех христианских конфессиях, и оно сближает христиан, оно снова делает их открытыми друг ко другу, способными воспринимать друг друга как братьев и сестер. Будем же благодарить за это Бога, стараться жить по воле Божьей и дальше вникать в то, что Господь нам дает, потому что в этом Божья любовь, в этом Божья слава, в этом Свобода Духа Христова!

Аминь.

¹ От латинского термина concilium – собор. По-гречески этот термин звучит как «синодос» или «синаксис».

² Через несколько дней после того, как проповедь была произнесена, за перенос сроков собора выступила и Русская православная церковь. См: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4538241.html>. – Ред.

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д.29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести:
в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарева)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11, (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: 1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 14 июня 2016 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 16 июня 2016 г.

gazetakifa.ru

В январском номере «Кифы» была опубликована статья «В поле действия положительных потенциалов». В ней говорилось о возможностях, которые открылись в различных сферах церковной жизни за последние семь лет. Комментарии экспертов к семи пунктам, отмеченным в статье, были опубликованы на сайте

Свято-Филаретовского института. Нам кажется интересным постепенно перепечатывать эти отклики, ведь далеко не все наши читатели постоянно знакомятся с материалами сайта СФИ. Сегодня в нашем номере размышления о трезвенном отношении к истории XX века. Комментарий Дарьи Виолиной публикуется впервые.

Чтобы никогда не произошло «всенародного беспамятства»

Что, на Ваш взгляд, было сделано в сфере церковной оценки нашей недавней истории?

Профессор протоиерей Георгий Митрофанов, доктор богословия, заведующий кафедрой церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии: Учитывая, что на протяже-

нии предшествующих семидесяти лет церковь не имела возможности не то что заниматься свободным осмыслением своего трагического исторического пути в XX веке, но и просто поддерживать существование серьезной исторической науки и что вся эта наука в те семьдесят лет была идеологически ангажирована, за период девяностых–нулевых годов удалось сделать немало. В контексте исследования опыта гонений, и прежде всего жизни новомучеников, мы попытались ответить на вопросы, как происходили гонения на церковь, каковы были их масштабы, каково было число жертв, какие способы преследования церкви применялись. Удалось выявить значительный перечень жертв этих репрессий и канонизировать больше тысячи человек, пострадавших от гонений на церковь (хотя процесс канонизации, может быть, нужно было осуществлять более осторожно).

Мы по-настоящему еще не ответили на вопрос, почему происходили эти гонения. Почему эти гонения происходили именно в России, почему именно Русская церковь оказалась их главной жертвой? И самая, может быть, тяжелая проблема – что гонения на церковь осуществлялись в том числе руками самих же православных христиан, то есть людей крещеных, прошедших какую-то степень церковного научения через церковно-приходские школы и другие учебные заведения. На этот вопрос мы пока еще не дали должного ответа.

Были предприняты очень разные попытки в виде общих курсов и специальных монографий воссоздать историю Русской церкви XX века. Здесь существуют различные подходы, различные точки зрения, и за последние годы это осмысление происходит все более глубоко. И это позволяет нам во многом переосмыслить наше прошлое, в частности, достаточно критически подойти к определенным странностям нашей церковной истории, критически покаянно, я бы сказал. То есть процесс исторического осмысления нашего прошлого, конечно, происходит. Хотя в силу перерыва в научной традиции церковной истории очень часто место серьезных исследований, подлинных исторических открытий занимают мифы, которые тиражируются. И обрести способность отделять историческую правду от мифотвор-

чества, попытаться увидеть историю такой, какой она была, а не такой, какой бы нам хотелось, чтобы она была, – это очень важная задача. Но она стоит перед любым историческим исследованием. И можно сказать, что за эти двадцать с лишним лет мы не самым лучшим образом справились с делом исследования нашей недавней церковной истории. Но, учитывая, что мы семьдесят лет безмолвствовали, то, что сделано, – уже достаточный повод для серьезных размышлений и выводов. Пока в основном шел процесс собирания фактов. Осмысление – дело будущего.

Можно ли говорить, что не только оценки, но и какие-то принципиальные жизненные христианские ответы на вызовы нашего тяжелого наследия были даны?

Разные авторы давали различные ответы. Я могу, например, поделиться одним из наиболее значимых для меня ответов, который я сам себе, и как священник, и как историк, даю на этот вопрос. В частности, в начале 1990-х годов я был гораздо более терпим настроен в отношении личности и политики митрополита Сергия (Страгородского). Мне казалось, что он действительно шел хотя и весьма несовершенным путем, но единственно возможным. Прошли годы, и я прихожу к выводу, что его позиция была одной из возможных, ибо другие местоблюстители патриаршего престола предлагали иной тип церковной политики, иную позицию по отношению к государству. В частности, они кардинально расходились с ним по такому принципиальному вопросу: митрополит Сергей согласился получить легализацию на условиях, представленных ГПУ, а его оппоненты были против. Главное такое условие было одно – назначать епископов по согласованию с ГПУ. Декларация Сергия как текст мало чем отличалась, допустим, от послания патриарха Тихона 1923 года. А вот его политика отличалась кардинально. И в этом была проблема.

Переосмыслив свое отношение к митрополиту Сергию и его политике, увидев, что существовали другие пути, гораздо более христиански оправданные, я в то же время сделал еще один очень важный для себя вывод: многие проблемы нашей современной церковной жизни обусловлены тем ложным выбором, который митрополит Сергей сделал для себя и попытался навязать церкви. По-моему, это уже немало. Потому что церковная история должна влиять на наше настоящее, на нашу современность. Митрополит Сергей в своем отношении к политике – а он был выразителем одной из глубоких и древних тенденций восприятия церкви, имевшей место в православном мире, – предъявляет определенный тип экклезиологии, который озвучивает в полемике со своими оппонентами. С ним не соглашается, например, святой

митрополит Кирилл (Смирнов). Он уверен, что церковь может сохраниться в условиях тоталитарного государства как Церковь Христова, если будет жить по принципу (перефразируя слова тако-го, мягко говоря, не очень любившего церковь итальянского политика графа ди Кавура «свободная церковь в свободном государстве») «максимально свободная церковь в максимально несвободном государстве». Отсюда – активизация соборного начала, активные приходские общины, разрушение средостения между епископатом и паствой. Как ни парадоксально, не жесткая вертикаль епископской власти сохранит церковь в условиях тоталитаризма, а, наоборот, свободная жизнь, как будет вам отрадно услышать, свободных общин. Но по этому пути основная часть церкви все-таки не пошла. Не все были готовы понять, а тем более принять взгляды митрополита Кирилла. Но это действительно был поиск, то есть он понимал, что если церковь в том виде, в каком она была, стала предметом гонений (он говорил о епископах: «мы только и годны на то, чтобы сидеть в тюрьмах»), значит, она должна измениться, чтобы сохраниться в новых условиях. Но не путем союза с государством, а, наоборот, путем максимального дистанцирования от тоталитарного духа государства.

Что еще требует более однозначной оценки, общецерковного обсуждения и реакции?

Как ни странно, сейчас очень остро встал такой частный вопрос, как, например, канонизация мирян, ставших жертвами политических репрессий государства. В каком чине их канонизировать? Констатируя очевидный факт, что Государь и члены его семьи погибли не как мученики (от них не требовалось отречения от Христа, которое бы спасло им жизнь – они были обречены), а как страстотерпцы, то есть принявшие безвинно смерть с христианским смирением, мы тем самым как бы апеллируем к уже сложившейся в Православной Российской Церкви традиции почитания и канонизации страстотерпцев. А вот как обосновать, например, канонизацию мирян, которые погибали, пусть даже по церковным делам, просто за исполнение своего долга – служебного, гражданского, человеческого? Вот, например, доктор Боткин. Это же прецедент. Прецедент очень серьезный. Это еще надо осмыслить. Он не может войти в тот чин страстотерпцев, который исторически у нас существует. Потому что в этом чине прославляли исключительно Государей или князей. И нужно либо создать какой-то особый чин, например, царственных страстотерпцев, либо расширить чин страстотерпцев, как-то это обосновать. На самом деле этого не надо бояться, это вполне оправданно. И можно найти немало жертв политических репрессий, которые христиански осмыслили свое

страдание, свою гибель, но при этом это не мученики и не страстотерпцы в классическом смысле слова. Мы же уже употребили термин «новомученики» по вполне обоснованным причинам: подавляющее большинство новомучеников погибало не потому, что они не хотели отречься от веры (им никто отречься от веры не предлагал), – они были жертвами политических репрессий, принадлежащими к определенной социальной категории – духовенству. Так погибали и дворяне, представители купечества, казачества, кулачества, богатых крестьян. И очень важно в этих нюансах разобраться. А иначе мы рискуем, просто увековечивая память достойных людей, превратить канонизацию в вариант языческой героизации.

Владимир Лавренов, кандидат исторических наук, член Геральдического совета при Президенте РФ, выпускник СФИ: На мой взгляд, сделано очень

мало, и то, что сделано, есть инициатива отдельных священников, мирян и братских объединений. Вот сказано – довольно много, и священноначалием, и медийными представителями церковной общечестности. Я бы воздержался от тезиса, что «всё понято и всё осознано» как в церкви, так и в обществе, и «больше не повторится». Церковь, на мой взгляд, только в начале пути «декоммунизации» и «десоветизации» – в первую очередь, сознания. Все возможности воцерковления народа, а значит изменения его сознания, в 1990-е годы были упущены, и плоды этого упущения общество пожинает именно сейчас. Но «лучше поздно, чем никогда». Однако священноначалие без просвещенного церковного народа обладает слишком малым весом в обществе. В президиуме – да, вес есть, но стол президиума очень маленький. Но настоящее пастырское слово, обращенное к совести и сердцу людей, может создать церковный народ. И главное – способствовать установлению доверия, доброты, настоящего отцовства, отказа от подозрительности и в конечном счёте единству людей в церкви и в обществе. Для этого нужно выйти за пространство храмов и епархиальных управлений. Что касается тем или проблем, которые требуют более однозначной оценки, – это пространство городской культуры, включающее в себя названия улиц, площадей, установку памятников и саму традицию и стиль проведения праздничных событий и дат.

Беседовала Анастасия Наконечная

Сегодня в нашем обществе существуют две крайности в оценке истории. С одной стороны – подавленность и самоедство вместо покаяния. С другой – замазывание произошедшей трагедии (миллион убили, зато канал построили/порядок был). Как нам научиться трезвенно относиться к нашей истории?

Режиссер Дарья Виолина:

Эта проблема видится мне очень серьезной, едва ли не краеугольной, потому что без понимания собственного прошлого чрезвычайно трудно сообща двигаться вперед. И тут, по моим представлениям, главная вина лежит на власти, которая так и не расставила все точки над

«i». То есть не признала страшный сталинский режим – преступным. Я не знаю, что могло помешать сделать это в поистине свободную эпоху гласности.

В 1956-м, когда Хрущёв осмелился развенчать культ личности и реабилитировать миллионы невинно осужденных граждан, сделать это ему было куда сложнее и страшнее, чем в «вегетарианские» 1980–1990-е. Он решился на этот шаг в стране, которая только что погибала за тирана на фронтах войны, в стране, которая была поделена на эзков и конвоиров, на жертв и палачей. Но он сделал это, освободив тех, кто дожил, и вернув невинным жертвам имена.

А мы сегодня, спустя 80 лет, с интересом наблюдаем на всех федеральных каналах дебаты на тему величия Сталина и переименования в его честь городов и улиц. Это позор и предательство по отношению к миллионам загубленных жизней наших же сограждан. Представьте себе возвращение имени Гитлера в современную Германию – да там одно его упоминание карается законом, и третье поколение не устает каяться.

Я полностью согласна с митрополитом Иларионом (Алфеевым): Сталин не только сопоставим с Гитлером, но его преступления еще страшнее, он бесконечно и хладнокровно убивал свой собственный народ, уничтожал генофонд, выжигал, стирал память. И не

надо оправдывать его военными победами. Войну выиграл *народ*, а не Сталин; на его же совести лишь страшные цифры потерь, которых можно было избежать, впрочем, как, возможно, и самой войны...

Слышать про экономические успехи страны в те годы просто смешно! Строительство каналов? Кто рыл эти каналы и прокладывал эти дороги? Кто валил лес и создавал атомную бомбу в шарашках? Не заключенные ли? Их кровью омыты эти каналы, их жизнями оплачены завоевания пятилеток. Переселение целых народов, голодомор, раскулачивание, расстрелы – всего не называть. А мы тут музеи Сталина в 2015 году открываем. Это тоже преступление против человечности.

В нашем фильме «Дольше жизни» выдающаяся писательница Тамара Петкевич, пережившая репрессии, говорит: «Нет более глупой беды, чем раскол собственного народа. Власть расколола его и не заботится о том, как склеить обратно. А ведь сегодня еще можно это сделать и сегодня еще очень *надо...*»

Беседовал Юрий Крапивин

Крест на родине святого

27 мая, в день тезоименитства священномученика Михаила Чельцова, состоялась установка памятного креста в селе Кикино Рязанской области, откуда родом святой. Как сообщает сайт Скопинской епархии, освятили крест после литургии в Покровском храме города Кораблино, откуда его пронесли крестным ходом на малую родину отца Михаила. Среди участников шествия была прапраправнучатая племянница священномученика Нина Борисовна Чельцова, директор музеев краеведения и истории Рязанского государственного университета имени Есенина.

После установки креста и памятной таблички благочинный протоиерей Петр Лесников произнес проповедь о жизни и служении святого. Сын сельского священника Рязанской губернии, Михаил Чельцов преподавал в ряде учебных заведений, исполнял должность «противораскольнического миссионера» в Санкт-Петербургской духовной семинарии, редактировал православные журналы. В 1918 году протоиерей Михаил Чельцов уже был профессором Богословского института в Петрограде, председателем Петроградского епархиального совета, а с 1919 года – настоятелем Троицкого собора на Измайловском проспекте. Он возглавил Троице-Измайловское православное братство при соборе. Братство посвятило себя в основном благотворительной работе, поэтому в народе его называли «благотворительной комиссией». Его члены собирали в голодном Петрограде деньги, продукты и одежду, которые затем разносили по домам нуждающихся. С 1924 года протоиерей Михаил был настоятелем церкви Архангела Михаила в Коломне.

С 1918 по 1930 год священнослужитель подвергался множеству арестов. В 1922 году, по делу митрополита Вениамина, был арестован по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей, организации в преступную контрреволюционную группу, поставившую себе целью борьбу с Советской властью» и приговорен к расстрелу. Сорок дней он провел в камере смертников, после чего расстрел был заменен двумя годами тюремного заключения с конфискацией имущества. В 1930 году отца Михаила арестовали по групповому делу, названному его именем, и приговорили к расстрелу с конфискацией имущества. Протоиерей Михаил Чельцов был расстрелян в Ленинграде 7 января 1931 года.

Приходы.ру

В Докшицком районе установили памятник протопресвитеру Виталию Боровому

Архиепископ Полоцкий и Глубокский Феодосий освятил 24 мая 2016 года памятный знак в честь выдающегося деятеля Русской православной церкви протопресвитера Виталия Борового. Памятник – валун с укрепленным на нем барельефом – установлен на погосте церкви Святого Пантелеимона целителя в местечке Станция Парафьяново в Докшицком районе Витебской области.

Православные верующие из Парафьянова и окрестных деревень собрались на Литургию, которую отслужил благочинный Докшицкого округа о. Георгий Мелешко вместе со священниками окрестных церквей. К верующим присоединились учащиеся местной школы и представители местных властей – небольшая церковь была заполнена людьми.

После литургии в церковь приехал владыка Феодосий, архиепископ Полоцкий и Глубокский. Он помолился за упокой души о. Виталия Борового, в своей проповеди поделился воспоминаниями об о. Виталии, которого он знал лично. Архиепископ призвал верующих держаться православной веры так, как учил о. Виталий Боровой. Также архиепископ призвал любить Родину и работать ради ее блага и славы.

Архиепископ Феодосий освятил памятник и вместе с председателем райисполкома Олегом Пинчуком и священнослужителями Докшицкого благочиния возложил к памятнику цветы.

«К 100-летию протопресвитера Виталия Борового – церковного деятеля, нашего земляка. 2016 г.» – написано на барельефе с портретом о. Виталия Борового. Надпись выполнена на белорусском языке.

Виталий Боровой родился 18 января 1916 года в застенке (на хуторе) Нестеровка, неподалеку от Парафьянова. Отец Виталий был непревзойденным в свое время богословом, блестящим проповедником, замечательным преподавателем, которому многим обязаны известные теперь богословы и иерархи.

Он всегда выступал за обновление церковной жизни, чтобы Церковь была «сильной не властью, а верой и Божьей милостью». Стремился к правде, не прятался от болезненных проблем Церкви и выступал за их открытое обсуждение и разрешение. Отец Виталий всегда поддерживал тех, кто нес в Церковь что-то новое и свежее, что давало надежду на подлинное возрождение Церкви. Довольно часто ему приходилось таких людей своим авторитетом защищать от давления и гонений со стороны официальной церковной власти.

Иметь такого земляка, как отец Виталий Боровой, который своим служением внес большой вклад в сохранение и развитие Русской православной церкви, великая честь для нашей страны.

Сайт «Наша нива»

Патриотизм подлинный и мнимый

Начало на с. 1

Священник Георгий Кочетков: Давайте будем такими, какие есть; не будем идеализировать ни себя самих, ни свое прошлое, ни настоящее, ни будущее, прекрасно зная, что ни то ни другое – не Царство небесное и никогда им не станет. Мы можем ценить и наши таланты, и наших гениев. Мы лучше других понимаем то, что родилось на нашей земле, но обогатило весь мир: «Троицу» Рублева, нашу музыку, нашу литературу и живопись. Пушкина никто ведь не понимает, как мы. Честно говоря, я вообще с трудом себе представляю, как можно переводить Пушкина. Конечно, интеллигентные люди, почитая такие вещи, учат язык оригиналов. И, как известно, Адольф фон Гарнак не случайно учил русский язык только для того, чтобы читать в оригинале проф. Василия Васильевича Болотова.

Так что мне кажется, нам надо освободиться от страстей. Да, есть страсть, именно греховная страсть патриотизма, но есть и греховная страсть антипатриотизма. Неважно, как она родилась: как реакция на тот ужас, который пережила страна, или, наоборот, пришла с другой стороны, от палачей и мучителей (безусловно, антипатриотов). А ведь антипатриотизм – это сломленность человека. Человек же должен распрямиться и исцелиться. И если мы хотим, чтобы хоть какое-то будущее было у нашей страны и у нашей церкви, это необходимо делать. Конечно, не присоединяясь к псевдопатриотическим акциям: к ним нельзя присоединяться в принципе. Это как отпить яду и отравиться. Какие-то вещи мы должны просто исключить – даже аскетически – из своего духовного рациона.

Поэтому мне представляется, что надо собирать не только церковные силы, но и силы страны, того народа, который есть. Пусть их немного, пусть иногда это будет один человек – но достойный человек, живущий на нашей земле и знающий, где и почему он живет. И пусть каждый из нас помнит, что если он не отвечает

В коллаже использованы фотографии открытия памятника Столыпину в Киеве (1913 г.) – вверху и демонстрации членом «Изборского клуба» Александром Прохановым «иконы» Сталина (2015 г.) – внизу

за свою страну и свой народ, если он не сможет хоть что-то сделать для других – не только в церкви и для церкви, но и для общества, для народа, для его возрождения, – то он подвергает себя упреку свыше. Мы все должны это делать, чтобы будущее просто было, иначе будущего не будет в принципе. Никакого – ни хорошего, ни плохого. И поэтому наша тема сегодня – она не праздная. Ведь мы с вами впервые говорим об этом так подробно.

Год назад здесь, в нашем братском доме, проходила конференция, посвященная судьбе русской усадьбы. На ней собрались люди, которые очень хорошо понимали связанную с этим проблему: нельзя восстанавливать стены усадеб просто ради стен, надо думать о том, что будет в них, если уж их кто-то хочет возрождать, а не разрушать дальше.

И я не думаю, что нужно провалиться сквозь землю каждому, кто ощущает себя наследником дворянских корней, или священнических, или крестьянских, или каких бы то ни было еще. Можно стыдиться только в одном случае – если ты наследник партийной или НКВДшной номенклатуры. Вот этого можно и нужно стыдиться, в этом случае нужно каяться за своих предков. В остальных случаях это не так, потому что были разные дворяне, как и разные крестьяне, разные священники, и мы это знаем. И будет очень, очень упрощенным представлением считать, что какой-то один класс виноват в трагедии России, в её уничтожении, или какой-то один народ сам по себе. Мне кажется, здесь надо избегать упрощений. И если ты дворянин, знай, чем ты можешь гордиться, будучи наследником дворянского рода. Если ты наследник крестьянского или священнического рода – делай точно так же. Только нельзя гордиться всем подряд. Но это, мне кажется, то, что понимают все народы, что не является спецификой нашей страны. Это то, что есть во всем мире, во всей человеческой истории. Ведь и срывы бывали у многих народов. Да, никогда не было такого срыва как в России XX века, это действительно уникальное и страшное событие в истории человечества. Но и там люди проявляли себя иногда как святые, а иногда как бесы. Важно, на чьей ты стороне, что ты наследуешь. Тогда и возникает всерьез вопрос о твоих корнях, а иначе и говорить об этом нечего.

¹ Пока что Знаменская площадь называется площадью Восстания (это название было присвоено ей в 1918 году).

² «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы – разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие – печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, – как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? И (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражают, как человек с предубеждениями – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Из письма А.С. Пушкина П.Я. Чаадаеву. 10 октября 1836 г. Петербург. Перевод с французского.

«Не пристало нам обречённо отдаваться потере своего лица»

Из статьи А.И. Солженицына «Россия в обвале»

«Россия в обвале» – последняя большая (двухсот-страничная) статья Солженицына – проявила его главный дар: собирать и выражать боль всего народа. Так же было с «Архипелагом», составленным из сотен голосов. Так же – с «Красным Колесом», последние главы которого написаны болью до того, что их трудно читать. Вспоминая свой молчаливый арест, Солженицын писал в «Архипелаге»: «Смутно чудится мне, что когда-нибудь закричу я двумстам миллионам...», и главные его вещи все – крик боли, не его личный, а наш общий.

Существует, вероятно, немало определений патриотизма. Я всё же предложу здесь своё: «Патриотизм – это цельное и настойчивое чувство любви к своей родине, с готовностью жертвовать ей, делить невзгоды, но со служением не угодливым, не поддерживаю несправедливых притязаний, а откровенным в оценке её пороков, грехов и в раскаянии за них».

Патриотизм – чувство органическое, естественное, оно не требует никаких оправданий, обоснований. Он – достояние многих стран, в том числе всех европейских; патриотизм – начало, объединяющее народ и никак не отделяющее от человечества. Другое дело, что, как всякое человеческое чувство, он может подвергаться отклонениям, искажениям.

И как не может сохраниться общечеловеческое, где не усвоена ответственность гражданская, так не существовать и стране – особенно многонациональной, – где потеряна ответственность общегосударственная.

Страна многонациональная в трудные моменты своей истории должна иметь опору в поддержке и одушевлении всех своих граждан. Каждая нация должна иметь убежденность, что единственная защита общих интересов государства – жизненно нужна также и ей.

Однако, и приняв понятие [гражданского патриотизма], нельзя упустить патриотизма национального. В странах однопатриотических тот и другой – едины суть. В странах многонациональных, как наша, национальный патриотизм есть составная и подкрепляющая часть общегосударственного – и горе тому государству, где эти патриотизмы разошлись. К национальному патриотизму применимы те же характеристики, что приведены выше: готовность делить невзгоды, жертвовать, неугодиливость служения. И так же естественно и неукоримо – сознание единства со своим народом.

Любовь к своему народу так же природна, как и любовь к своей семье. Нация – это тоже семья, только следующего уровня и объёма; и её тоже скрепляют неповторимые внутренние связи – общий язык, общая культур-

Микула Селянинович. Гравюра Е. Кибрика

ная традиция, воспоминание об общей истории и задачи её на будущее.

Я говорю тут – о русском патриотизме чистом, любовном, строительном; не о крайнем националистическом пере-клоне («только наша порода!», «только наша вера!»), не о взнесении своей национальности выше мыслимых духовных вершин, выше нашего смирения перед Небом. И разумеется, не назовём «русским патриотизмом» тот, который заключает малодушный союз со своими уничтожителями-коммунистами.

Наше национальное сознание впало в летаргию. Мы еле-еле живы: между глухим беспамятством позади и грозно маячащим исчезновением впереди. Мы – в национальном обмороке. Когда во всём мире растут настоячивые национализмы – обморок нашего национального сознания отнимает у нас и жизненную силу, и даже инстинкт самосохранения. С горькой горечью опасаясь, что после всего пережитого и при ныне переживаемом – участь уклона, упадка, слабения всё более угрожает народу русскому.

В последнее десятилетие русская культура по-новому искажена тлетворным облучением её – через общественные образцы, через каналы информации и через образование, застигнутое в самый момент очищения от идеологии коммунизма, в момент пересоздания. Разложение школьного образования особо губительно: для русских подростков, да и юности постарше, – перестаёт существовать Россия как духовная сущность и как историческое явление. Но без объединяющего национального чувства мы, русские, – особенно при разброшенности наших пространств – рассосёмся, как безликий этнический материал, как аморфная масса.

Нам возражат, что это опасно – преувеличивать значение наций, национальной принадлежности.

Преувеличивать – мы никак не намерены, ибо твердо ощущаем выше неё – мерку Неба. Мало того: мы полагаем, что и преувеличивать значение личности до выросшего ныне культа «прав человека» – не менее губительно для исторического развития: и над личностью тоже высется инстанции духовные. Однако этот культ, доходивший уже до назойливости, не вызывает ничего упрёка.

...Ныне Россия преломлена не только духовно, она подорвана и телесно. Ещё в начале XX века мы были в мире вторым по численности государством. Но весь XX век шло множественное уничтожение русских: в японскую и в Первую Мировую войну; и от коммунистического геноцида; и от непосильных жертв в советско-германской; и от нынешнего голодного вымаривания по миллиону в год. А в ходе этого вымаривания, становясь всё разреженнее и в упадке духа, мы тем меньше имеем шансов возродиться.

Мы страшнулись с себя коммунизм, но это позднее освобождение обошлось нам ещё новыми утратами – так что колебалось и наше будущее. Не закроем глаз на глубину нашего национального крушения, которое не остановилось и сегодня. Мы – в предпоследней потере духовных традиций, корней и органи-

ности нашего бытия. Наши духовные силы подорваны ниже всех ожиданий.

Но не будем смиряться с упокойными песнями, что-де, значит, миновал период нашей «пассионарности» и от нас уже нечего ждать. Не будем и уповать, что прикатит какое-то чудо и «само собой» нас спасёт. Все мы – и есть Россия. Мы её – такую сделали, нам её – и вытягивать. Чтобы XXI век не стал последним столетием для русских – мы должны найти в себе силы и умение сопротивляться распаду уже сейчас, и чем напорней разрушают нашу жизнь – тем напорней бы и сопротивляться.

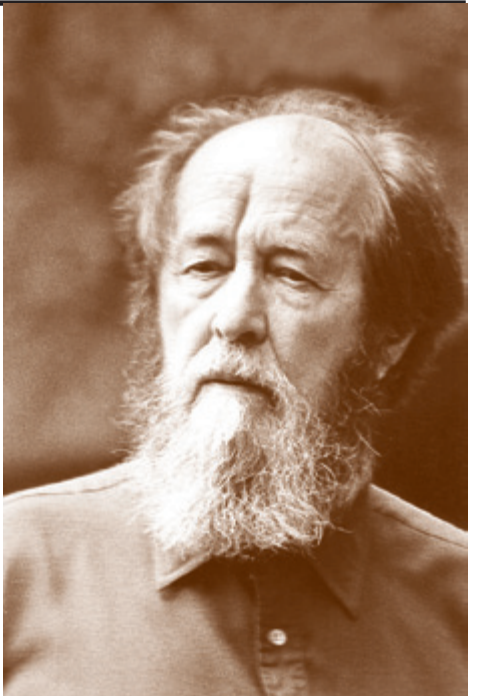
Давние черты русского характера – какие хорошие потеряны, а какие уязвимые развились – они и сделали нас беззащитными в испытаниях XX века. И наша когдатошняя всеоткрытость – не она ли обернулась и лёгкой сдачей под чужое влияние, духовной бесхребетностью? Не она ли обнажилась и во внутренней неслитности, расчуждённости средь нас самих? так горько сказала недавно на оттапливании наших беженцев из республик. Поражает это бесчувствие русских к русским! Редко в каком народе настолько отсутствует национальная спайка и взаимовыручка, как отсутствует у нас. Может быть – это только нынешний распад? или свойство, врезанное в нас советскими десятилетиями? Ведь были ж у нас веками дружнее братские артели, была живая общинная жизнь, может быть, это восстановимо?

Между тем нам мало только лишь восстановить народное здоровье. По высокой требовательности наступающего электронно-информационного века нам – чтобы что-то значить среди других народов – надо суметь перестроить характер свой к ожидаемой высокой интенсивности XXI столетия. А мы за всю свою историю – ой не привыкли к интенсивности.

Русский характер сегодня – весь за-качался, на перевесе. И куда склонится?

Кажется, изложение уже давно требует уточнить: кого мы понимаем под словом «русские». До революции слово это употреблялось как соединённое название трёх восточно-славянских народов (великороссов, малороссов и белорусов). После революции – взамен упразднённых великороссов. (Отупение в собственном языке уже давно увело нас от выразительных слов «русьи», «русичи», а именование «великороссы» нам теперь и не по шапке.) По содержанию же мы понимаем под этим словом не непременно этнически русских, но тех, кто искренно и целю привержен по духу, направлению своей привязанности, преданности – к русскому народу, его истории, культуре, традициям.

В конце 1919, в предгубительном отступлении Добровольческой Армии, генерал Пётр Врангель воззвал к ней: «С нами тот, кто сердцем русский». Точнее не скажешь. Национальность не непременно в крови, а в сердечных привязанностях и духовном направлении личности. Это особенно влиятельно сказало на составе народа русского: веками быв в государстве народом [объемлющим], он становился также и [творимой нацией]: многие из тех иноплемеников, кто состоял на российской государственной службе или жизненно,

А.И. Солженицын

надолго окунался в русскую культуру и быт, – становились подлинно русскими по душе.

Требовательная современность (от которой мы всё отстаём и отстаём) диктует нам не просто задачу возрождения растерянных ценностей, но куда более сложную задачу построения новой России, ещё никогда не бывавшей. А значит, прежде всего через школьное воспитание, без которого не вырастет и новая интеллигенция.

Такую новизну являет собой, например, задача школьного преподавания отечественной истории. Дореволюционные гимназические учебники тоже ведь сильно лакировали века предшествующие, а на подступе к современным затаивались, не дойдя двух последних царствований. Что ж говорить о грубом корёжении истории в учебниках советских. И теперь сумеем ли – и успеем ли через новый вихрь проектов безответственных и с искажениями [модификаций] – открыть юношеству нашу отечественную историю в полноте объёма и непредвзятой правды? Возможны хрестоматии не только по русской литературе, но и с отрывками исторических документов, но, для старших классов, и с обильными выдержками из русских мыслителей, и XX века также. Конечно, в программах такой школы не может не найти последовательного отражения роль православия в нашей истории и культуре.

При нынешнем упадке нашем – никак не дать сейчас уверенного прогноза, что у нас хватит настояния создать столь необходимую школу. Однако если не создадим, если не выведем наших детей из опасностей бессвязного, тёмного сознания, пронизанного жгучими искрами языческой жестокости и наживной страсти любой ценой, – это и будет конец русского народа и русской истории.

Сохранимся ли мы физически-государственно или нет, но в системе дюжины мировых культур [русская] культура – явление своеобычное, лицом и душой неповторимое. И не пристало нам обречённо отдаваться потере своего лица, ронять дух своей долгой истории: мы больше можем потерять дорогого своего, чем приобрести чужого взамен.

Не нынешнему государству служить, а – Отечеству. Отечество – это то, что произвело всех нас. Оно – по-выше, повыше всяческих преходящих конституций. В каком бы надломе ни пребывала сейчас многообразная жизнь России – у нас ещё есть время остояться и быть достойным нашего нестираемого 1100-летнего прошлого. Оно – достояние десятков поколений, прежде нас и после нас.

И – не станем же тем поколением, которое всех их предаст.

«Особенность этой конференции в честном разговоре по душам»

«Кифа» обратилась к участникам конференции по катехизации с вопросом: «Здесь, на конференции, собрались священники и миряне, которые готовы отдавать свои силы просвещению людей, приходящих в Церковь, и помогать им преодолевать те проблемы, о которых мы говорили. Какие вопросы и какие ответы в ходе обсуждения показались Вам наиболее важными?»

Вступительное слово ректора СФИ профессора священника Георгия Кочеткова

Священник Андрей Моряренко: Я услышал, скажем так, эхо первой половины первого дня, потому что прибыл ко второй половине, когда были если не дебаты, то живая дискуссия об отличии сути керигматической и догматической проповеди. Все говорили, что начало этого разговора было очень важным, и я надеюсь прочитать его в сборнике конференции, когда все ее материалы будут опубликованы.

Большинство наших священнослужителей имеют духовное образование, они заканчивают семинарию, где о керигме можно услышать при изучении библистики. Но если сделать опрос, мало кто сможет описать слово «керигма», скажет, что это проповедь – и всё. Если ты этого не знаешь, тебе трудно обращаться к народу. Поэтому так велико количество сугубо морализаторской проповеди. А ведь если в центре проповеди не стоит Христос, она, по мысли отца Александра Шмемана, отражает псевдодуховность*. Получается, что нашего брата самой сути не смогли научить и сам он не научился. Поэтому мне так важно уже в рамках издания это обсуждение прочитать.

Ещё меня заинтересовало выступление Александра Михайловича Копировского. У нас есть распространённый стереотип: храм – это живая проповедь, начиная с того, что иконостас – окно в горний мир. Понятно, что давно ставился вопрос о том, что это – окно в духовный мир или преграда? Если не ошибаюсь, у Александра Михайловича в учебном пособии «Христианский храм» есть упоминание об этом.

Но возникает и другой вопрос: можем ли мы в пространстве храма оглашать или нет? И для меня было очень важно посмотреть на эту проблему глазами тех людей, которые проводят катехизацию, понять, исходя из их опыта, что в храме помогает, а что может

Одной из форм обсуждения стал литературно-музыкальный вечер, в котором участвовали катехизаторы

помешать оглашаемому при длительном оглашении дойти до сути, до личной встречи со Христом.

Хочется услышать и о том, какая литература может в этом помочь.

По своей работе в молитвенных комнатах при вузах я могу сказать, что люди неверующие с трудом воспринимают Евангелие «в лоб», может помочь опыт чтения и знания художественной литературы, музыки и даже, хоть и в меньшей степени, кинематографа. Сегодня шел разговор о том, что биографическая литература, в том числе отражающая опыт XX века, бывает полезна для чтения оглашаемыми. Но я ожидаю, что будет и более подробный разговор об этом. Я знаю, что о. Георгий Кочетков составлял список художественных произведений, которые могут помочь людям, ищущим пути к вере, и этот список опубликован. Но время-то идет, поколения меняются, ментальность людей уже другая. И мне хочется услышать мнения разных участников конференции. Ведь их становится все больше и больше – не в геометрической прогрессии, конечно, но количество людей, участвующих в конференции из разных мест, имеющих опыт и не имеющих, растёт.

Игумен Агафангел (Белых), настоятель Свято-Троицкого храма села Новотроевка: Эти конференции всегда очень интересны, потому что здесь действительно можно услышать и увидеть то живое, что и должно, как мне кажется, составлять нашу жизнь в Евангелии. Люди говорят о том, что их волнует на самом деле, а волнует их как раз возможность выразить этот опыт жизни. Ведь здесь собраны те, кто имеет прямое отношение к свидетельству о своей вере. И услышать, как это делается кем-то ещё в другом месте, воспринять этот опыт, увидеть в новом ракурсе вроде бы уже старые, известные тебе вещи – это очень важно. Так что я считаю, что эти конференции, конечно, очень нужны.

Иеромонах Димитрий (Першин), председатель Миссионерской комиссии при Епархиальном совете г. Москвы: Прежде всего, замечательно, что православие остается пространством очкариков, что людям, здесь присутствующим, присуща культура мысли, умение аргументировать свою точку зрения, а не поверхностно оценивать чьи-либо идеи, преисполнившись обличительного пафоса. Чудесно и то, что наша, казалось бы, замшелая церковная традиция может оказаться источником вдохновения. Творения Отцов, богослужебное последование вновь и вновь удивляют не только христиан, которые уже давно в Церкви, но и внешних людей, может быть, впервые соприкоснувшихся с некатехизационной глубиной православия, и за этим удивлением следует радость узнавания. И третий момент – я очень надеюсь, что исполнится то, о чем о. Георгий напомнил, завершая нашу последнюю встречу, и результатом конференции будет некая творческая пауза, что не появится одно-разовых поспешных директив, моментальных решений, что у всех участников этой встречи останется пространство свободы и возможность комбинировать, принимая какие-то решения, а может быть, и воздерживаясь от чего-либо. И последнее: я рад тому, что люди делятся не только успехами, но и ошибками. Анализ промахов и неудач, может быть, даже важнее победных реляций о достижениях.

Священник Александр Гинкель: Прежде всего очень важно, что люди не просто пришли, послушали и разошлись. Тема богочеловечества Спасителя и вообще керигмы о Христе касается каждого христианина как личного ученика Господа. Каждый из нас, так или иначе, должен быть готов к тому чтобы вопрошающему дать ответ, и ответ дать с кротостью, а не с «витиеватостью ума».

Священник Алексей Малов: Человек сюда приезжает с каким-то своим внутренним вопросом, и совместно обсуждая актуальную, по нашему же общему мнению, проблему, мы находим ответы на главные вопросы конференции, и одновременно получается, что заодно отвечаем на свои личные.

Для меня было важно то, что мы говорили про разные уровни проповеди – догматический, керигматический и экзистенциально-мистический. Было просто проговорено, что это такое, но при этом не возникло ощущения какой-то схематичности или излишней ме-

Обсуждение продолжалось и во время перерывов. Священник Александр Гинкель и протоиерей Димитрий Карпенко

тодологичности, все было очень глубоко. Видно было, что это сложная тема.

А.А. Шарафутдинов, секретарь Миссионерской комиссии при Епархиальном совете Москвы: Особенность этой конференции в честном разговоре по душам не с целью кому-то что-то доказать, а с целью найти истину для того, чтобы служить, приносить пользу церкви и людям и приводить людей к Богу. Причем в этом разговоре участвуют люди разных взглядов, я бы даже сказал, разных церковных партий.

Меня очень вдохновил разговор, как правильно говорить о Христе. Редкий и такой не популярный в нашей церкви разговор. Мы даже на ближайшей комиссии о курсах для миссионеров поставим этот вопрос: «Как миссионеру дойти до Христа».

Мне кажется, это важнейший вопрос. Он задал тон всей конференции, и главное, что само пространство обсуждения такое подлинное, честное. И ответы приходили не только на круглых столах, но и в общении, которое было между людьми в кулуарах. Потому что общение здесь действительно братское и люди готовы слышать друг друга. Это очень важно.

С участниками конференции беседовали
Александра Колымагина,
Анастасия Наконечная

* «Лично я вообще бы отменил частную исповедь, кроме того случая, когда человек совершил очевидный и конкретный грех и исповедует его, а не свои настроения, сомнения, уныния и искушения. А что же делать со всеми этими обычными «состояниями»? Я убежден, что подлинная проповедь есть всегда (о чем бы она ни была) одновременно и ответ на них, и их исцеление. Ибо она всегда есть проповедь о Христе. Если же проповедь не есть все это, то она и вообще не нужна. И сила ее в том, что подлинный проповедник и к себе обращает проповедь – на свое уныние, маловерие, теплохладность и т.д. И что же к этому могут прибавить разговоры? Поразительно, как люди, «интересующиеся духовной жизнью», – не любят Христа и Евангелие. И понятно, почему: там ничего не сказано о «духовной жизни», как они ее понимают и любят. Где это я читал, что именно о такой духовности притча Христа об очищенной клетке, занимаемой еще худшими злыми духами? Грешник кается и обращается. Лжедуховный осужден на гибель: это и есть хула на Святого Духа. Как все это страшно! Я со всей силой ощущаю, что одна из главных опасностей всегда и всюду – псевдорелигия, псевдодуховность... Вообще «псевдо» (псевдобогословие, например...)» (протопр. Александр Шмеман. Дневники).

Говорят организаторы конференции

Возможно ли заниматься оглашением с помощью иконописи

Правда ли, что в обществе все больше крепнет ощущение, что православие – это что-то более обрядовое, чем сущностное, и что с Христом это мало связано? Видите ли вы эту проблему и если да, то как в этом контексте звучит тема конференции?

А.М. Копировский, катехизатор, член оргкомитета конференции: К нам на оглашение приходят люди,

которые хотят действительно услышать о Христе, а не об обрядах. Даже если они приходят уже с каким-то знанием обрядовой стороны христианства, то совершенно очевидно, что не она их интересует. Они хотят узнать что-то о Боге, и для них чрезвычайно важно, чтобы с ними говорили не объективировано, а лично. Поэтому главная проблема, скорее, в катехизаторе, а не в тех, кто к нему приходит. Уж кто приходит – того и берем, с какими бы вопросами он ни пришел. А проблема – насколько катехизатор адекватно может передать вещи глубинные, живые, тонкие. Катехизатор должен быть только с личным непосредственным опытом Богообщения. А как он его должен передавать? Как положено на оглашении, во всех четырех аспектах: Писание, личная этика, личная молитва, богослужение. В них должен зазвучать его личный опыт, тогда они оживут. А иначе все может выродиться в передачу информации, что на катехизации нужно в последнюю очередь.

Удалось ли на конференции поставить важные проблемы?

Думаю, да. Вот, в частности, последнее наше заседание – о Священном Писании, о том, как его использовать в катехизации. Совершенно очевидно, что здесь много проблем: в соотношении Ветхого и Нового завета, в интерпретации сложных мест. Есть еще проблемы библейской критики, потому что постоянно делаются какие-то новые открытия, мы узнаём о новых деталях в языке Библии, в библейской археологии, что влияет на понимание ситуаций, там описанных, о чем катехизатор обязательно должен знать. Он не обсуждает все это с оглашаемыми, но ведь можно натолкнуться на связанные с этим вопросы, потому что современные катехумены тоже читают разные книги. Главное, чтобы он сам не имел иллюзий, вроде тех, что Священное Писание упало с неба в готовом виде, что его всегда, во всех случаях нужно воспринимать буквально, и только так его можно предлагать оглашаемым.

Вчера мы обсуждали вопросы иконописи: как вводить икону в оглашение. Кажется, никогда этого не было в истории, по крайней мере для группы оглашаемых. Этот вопрос был вчера поставлен, и, по-моему, поддержка в его положительном решении ощущалась. Хотя мнения есть разные.

По-моему, кто-то из богословов говорил, что иконопись – это катехизация для безграмотных...

«Икона – Библия для неграмотных» – это ответ

средневековых богословов Западной Европы на иконоборческие споры. Вот, мол, византийцы придумали что-то странное, зачем, всё гораздо проще. Ну, что тут можно сказать? Во-первых, средневековая иконопись – это не Библия для неграмотных, это Библия для очень грамотных: в ней много такого, что может «считать» лишь хорошо духовно и художественно подготовленный человек. Но, с другой стороны, просвещать надо людей и просто называнием сюжетов, ориентировкой в них. Сейчас икона «работает» и на низкий уровень, сюжетный, и на уровень высокий, духовный.

Но огласительный контекст – это совсем другое. Как начать заниматься оглашением с помощью иконописи – вопрос. Он в том, чтобы в оглашение входил образ Христа. Сюжеты – это всё-таки другое. Условность, символика – не это важно для оглашения, а прежде всего важно видение лика Спасителя. И совсем не много есть таких изображений Христа, которые, как показывает опыт, воздействуют на оглашаемых. Вот об этом и была речь.

Первый доклад, который читал Владимир Иванович Якунцев, задал тон конференции: говорилось о том, что такое керигма, керигматическая проповедь. Керигма – вознесение Евангелия, и очень разнообразное, очень широкое, это не передача информации. В связи с этим еще раз было подчеркнуто, что катехизация не может быть проведена за несколько встреч (2–3), потому что тогда она неизбежно сведётся к передаче информации. А ведь катехизация – это еще и создание общей среды, общего духа, в котором человек начинает все предлагаемое ему воспринимать не поверхностно. То есть ему передается способ восприятия, а не только то, что надо воспринять. Это все удалось обсудить очень живо.

Мне кажется, хорошо было и то, что не читалось много докладов, зато было место для обсуждения. После доклада сразу же проводился круглый стол в развитие темы, раскрытой докладчиком.

Мы почти каждый раз меняем формат конференции. Прошлый раз были только круглые столы, а сейчас решили сделать один, максимум два доклада за полдня. Почти к каждому из них привязан по тематике круглый стол, в котором живо участвует весь зал. Хотя, конечно, есть лидеры, и иногда их хочется немножко попридержать, чтобы дать слово другим. Но еще есть и очень хорошее общение участников после заседаний, за обедом, в перерывах, когда люди «добирают» в личных разговорах то, что недоговорили на встречах.

Запланированные «три половины дня» (кроме утреннего и дневного, есть еще и вечерняя программа) себя, безусловно, оправдывают. На первый взгляд может показаться, что это перегрузка, но третья часть дня, после ужина ни разу не была еще одним заседанием. В первый день проводилась лекция по изображению Спасителя и дискуссия о роли интерьера храма в катехизации, во второй – участники конференции читали стихи и отрывки художественной прозы о Христе, которые они предлагали читать оглашаемым. И все время ситуация была открытой, свободной, предполагавшей неожиданные вопросы и стимулировавшей нестандартные ответы.

Беседовала Александра Колымагина

Как сдвинуться с мертвой точки

Начало на с. 1

В.И. Якунцев: А решение этой проблемы приходится в области веры, в области нашей молитвы, в области каких-то практических шагов. Собственно, ответы и возможно было услышать здесь, именно в общем усилении веры и надежды на то, что все-таки этот разрыв преодолим, что можно сделать какие-то шаги, чтобы Господь обновил наше сердце, нашу веру и чтобы обновилась эта власть возвещающей Слово Божье от лица самого Бога и от лица Церкви.

Да, эти ответы, может быть, и не звучали формальным списком, они давались по сути, по духу. И мне кажется, что в целом конференция прошла достаточно вдохновенно, и участники конференции могли воспринять все это для того, чтобы, что называется, сдвинуть дело с мертвой точки.

Есть ли какие-то условия того, чтобы тот опыт, который уже есть и о котором говорили на конференции, начал полноценно, нередуцированно воплощаться?

Те, кто ищет такого опыта, должны иметь призвание к нему. Это принципиально важно. Тогда действительно есть сила, есть власть, есть вдохновение, есть наполнение. Но у нас этот аспект часто не проявлен, не осознан, не выявлен. Я знаю из более или менее значительных примеров такого ответа на призвание только румынское православное братство «Воинство Господне» и движение «беседников». Там, где есть послушание Духу, это всегда приносит плоды.

Каково Ваше общее впечатление от конференции?

Общее впечатление у меня как председателя оргкомитета хорошее. Цель, которую мы ставили, мы достигли. Очевидно, что не всем легко было на этой конференции, разговор «открывал помышления сердец», но это и хорошо. Поэтому в целом, как мне кажется, конференция была целостной, очень продуктивной, хотя и нелегкой. Были трудности, переживания, какие-то внутренние конфликты. А в целом все было достаточно хорошо.

Беседовала Александра Колымагина

В сфере катехизации священники и миряне не могут не общаться как равные друг другу соратники

Голос из-за рубежа

О надежде

Недавно одного человека уволили из преподавателей ОПК из-за того, что он «вместо преподавания православия читал с детьми Библию и говорил о Христе». Знакомы ли Вам проблемы восприятия православия как

чего-то исключительно обрядового, не связанного с благой вестью?

В бельгийских школах есть государственная программа религиозного образования для тех, кто принадлежит к той или иной конфессии, и секулярной этики для тех, кто себя ни к какой конфессии не относит. Это два часа в неделю в течение всех двенадцати лет обучения. (К слову, во Франции такого предмета нет, а скажем, в Греции есть, но там практически только православные).

Я знаю, какие проблемы есть у этой

Интервью со священником Христофором Д'Алоизио, настоятелем Свято-Троицкой церкви в Брюсселе, инспектором образования французской общины в Бельгии

системы, где она ограничена, а где очень хорошо работает. И уверен, что в ближайшие годы эту систему отменят из-за тех сложностей, которые с ней связаны. Одна из основных проблем – это обучение преподавателей и качество преподавания. В идеале с прекрасным преподавателем в хорошей школе мы должны получить прекрасное религиозное образование в государственной школе. Но идеальных школ нет, и идеальных преподавателей тоже. В некоторых случаях лучше выбрать секулярную этику, чем плохого преподавателя религии. Я, как инспектор предметов религиозного образования в государственных школах, встречался с преподавателями, которые учат всякого рода суевериям и совсем не говорят о вере. Уж лучше пусть дети философские тексты читают, чем все это слушать. В конце концов, если они научатся анализировать философские тексты, когда-нибудь они смогут анализировать писания Отцов Церкви. Иногда (но не всегда) это лучше.

А Вы как инспектор ничего не можете сделать?

У инспектора в последнее время все

больше и больше отнимали возможность повлиять на ситуацию. Мы пишем отчеты, но что с ними становится потом, мы не знаем. И есть подозрение, что эти отчеты где-нибудь так и лежат.

Есть какая-то надежда?

Самым важным вопросом все равно остается обучение взрослых на богословских факультетах и в семинариях. Невозможно надеяться на государство в отношении катехизации. Эта надежда очень неоправданна просто по определению. У государства совсем другие цели.

Хотелось бы спросить Вас и о том, какова сейчас ситуация с Вашим запретом и есть ли надежда, что она может разрешиться?

Этот вопрос стал довольно сложным, он автоматически не решается. Сейчас надежды на его разрешение довольно большие, но нужно подождать, посмотреть. Ведь у нас в Экзархате сейчас переходный период. Был избран новый епископ, и, по моим впечатлениям, люди к нему очень хорошо относятся. Это человек, у которого есть и пастырский опыт, и мудрость, и он хочет залечить

те раны, которые образовались за последние несколько лет и до сих пор кровоточат. Он публично выражал свою поддержку и мне, и приходу, нашей общине. В марте этого года он написал мне письмо, выразив свое доверие ко мне и дружеские теплые чувства. Он приезжал и служил с нами в Чистый четверг, и даже в самый день Пасхи приехал к нам на приход. Приехав, он попросил прихожан, чтобы они объявили всем о его поддержке и попросил меня распространить его письмо среди членов общины, чтобы они тоже знали, о чем он мне написал.

Так что я вижу в новом архиепископе пастырское, отеческое отношение к нам, да и вообще ко всему происходящему. Я вижу, как все эти месяцы он пытался лучше нас узнать, чтобы понять; ведь он совсем о нас ничего не знал. Он доверяет нам, это видно. И мы постепенно узнавали его как человека и теперь можем с уверенностью сказать, что мы ему очень верим, очень на него надеемся. И очень много людей в Архиепископии готовы оказывать ему всяческую поддержку. Большею пока сказать не могу.

Интервью записано во время конференции СФИ по катехизации 17 мая 2016 года

О чем рассказывает православная культура

Начало на с. 1

Участники конференции ответили нам еще на один вопрос (кроме опубликованного на с. 6):

«Недавно одного преподавателя Основ православной культуры и этики уволили из школы – родители возмутились тем, что он “вместо того, чтобы обучать детей православию, говорил им о Христе и читал Библию”. И возникает ощущение, что в обществе о православии представление больше как о вере, связанной с обрядами, чем со Христом. Как Вам кажется, существует ли действительно такой разлад? И если да, то как его преодолевать?»

Игумен Агафангел (Белых), настоятель Свято-Троицкого храма села Новотроевка: Да, он есть, разумеется, и в общем-то, был всегда. Была некая «народная», обрядовая религия, которая практически не связана с верой. Еще Кант разделял религию и веру. Помните, как выразительно об этом писал отец Александр Шмеман? К сожалению, этот разлад очень трудно преодолить по той простой причине, что всем удобно себя идентифицировать с большинством, где все понятно, где не требуется жертвы, не требуется изменения и есть некая иллюзия защиты высшими силами. Ведь стандартное пожелание людей друг другу: «Чтобы у тебя все было хорошо, будь здоров, удачи!» – и всё. И вот все это как раз прекрасно укладывается в эту внешнюю, обрядовую часть, в то православие, которое представляет собой некое подобие нашей национальной идентичности. Праздники, купание в проруби, очереди за крещенской водой – и в общем-то всё, а остальное не нужно. И этот исторически сложившийся разлад, я думаю, никогда не будет преодолен в полноте.

Другое дело, конечно, что как раз для преодоления этого разлада нам нужно говорить о Христе. Говорить об отношении Бога и человека, о том сокровенном, тайном, что и составляет содержание веры и смысл нашего упования: Бог пришел на землю, стал человеком, чтобы человек стал Богом. И если мы не будем об этом говорить, то чем будем отличаться от последователей чисто обрядовой религии?

К сожалению, мы видим, что это «внешнее» отношение к христианству насаждается иногда в масштабах всей страны. Скажем, за последние 15 лет возникло «шестие Благодатного огня», так называемого «огня Великой субботы». Мы же все прекрасно помним, что этого не было до начала 2000-х. Это совершенно новое явление. Но оно сейчас настолько прочно вошло в некую традицию, что уже попробуй себе представить, что на Пасху не будет назначен кто-нибудь, кто будет этот огонь встречать, развозить. И ему будут кланяться, этому огню – а это уже граничит с магией. А ведь сначала эта новоявленная традиция возникла на уровне как раз нецерковном, это затеял фонд Якунина. И нам, конечно, нельзя молчать, нужно говорить. Нужно меняться самим, нужно быть примером другого сознания, не «религиозного», а «верующего», евангельского.

Но здесь ведь тоже возможны симулякры. Мне приходилось видеть православные собрания, где все говорили, пели, читали стихи о Христе. И при этом все это было как будто не о Нем. Никакой глубины: «Христос любит тебя, ты люби Христа». И все.

Риск, разумеется, есть. Можно ведь начать говорить о Христе не от Евангелия, а от какого-то иного понимания. Поэтому критерий только один: личное отношение человека и Бога. Нужно говорить не от себя, а от Евангелия. Но для этого нужно постигать Евангелие, нужно его знать и стараться меняться. Потому что человек не может не меняться, если он живет в пространстве постижения Благой вести. Если он не меняется при этом, не преобразуется, то тогда он действительно будет говорить лишь красивые, но пустые слова. Любой взрослый образованный человек может произнести напыщенную речь, полную красивых слов, которые на самом деле не будут иметь совершенно никакого наполнения, если он сам при этом туда не вкладывает свой, пускай небольшой, но личный опыт преображения.

Священник Александр Гинкель, настоятель храма во имя Иверской иконы Божией Матери в квартале «Новая Скандинавия» г. Санкт-Петербурга: Естественно, этот разлад существует. И сам предмет «Основы православной культуры» направлен на то, чтобы показать лишь внешнюю сторону нашей православной религии без какого-либо углубления в вероучение. Именно поэтому светское общество пошло на то, чтобы разрешить его преподавание. С другой стороны, конечно, православная религия строится на священных текстах, на Библии. И все обряды, все праздники тоже строятся

вокруг библейских историй. Поэтому мне на самом деле непонятна позиция людей, которые возмутились чтением Библии, ведь в данном случае она может рассматриваться как исторический документ, и без чтения Библии невозможно вообще говорить о преподавании этого предмета.

Я сам принимал участие в написании нескольких учебников по основам православной культуры, какие-то рецензировал и представляю, о чем идет речь. Примерно треть учебника по православной культуре – это, по сути дела, пересказ библейской истории. В стандарте, утвержденном Министерством образования, есть конкретные пункты. Первый – вероучительная сторона, Библия. Второй – история Церкви. И третий, как правило, – это

праздники и обряды. Поэтому позиция родителей, которые противятся тому, чтобы их детей учили основам православной культуры, мне может быть понятна только в случае, если родители являются нехристианами: явно выраженными сектантами или приверженцами других религий. Но когда крещенные родители начинали мне что-то подобное говорить (а я несколько лет в школе преподавал этот предмет), то я просто предлагал им: «Хорошо, если вы против, давайте мы вас официально предадим анафеме, раз вы противитесь учению Христа». Однако никто не согласился, их само слово «анафема» пугало. А ведь когда противление идет от людей, формально принадлежащих к Церкви, то это их противление по факту показывает то, что они сами себя отлучают от Христа и от Церкви.

Отец Александр, много ли этих учебников существует?

Думаю, их около двух десятков. И из них только около половины имеют рекомендацию Отдела религиозного образования и катехизации. При этом в школах используются и те, и другие. Я принимал участие в написании светского учебника издательства «Вентана-граф». Его автор не пошла на предложение ОРОиК изменить несколько моментов, и этот учебник как раз не имеет рекомендации Отдела. Но так или иначе, я рад, что Господь дал мне возможность его отвергнуть: в том, что касается православия, пришлось все переделывать. Так что можно представить качество учебников, не имеющих рецензии со стороны верующих.

А.А. Шарафутдинов, секретарь Миссионерской комиссии при Епархиальном совете Москвы: Разлад

такой, несомненно, есть, и есть он даже в церкви. Все же у нас церковь – это во многом церковь победивших не-офитов. Причем часто даже не уверовавших во Христа, а просто увлекающихся людей, любителей православной культуры. Их нужно катехизировать, ведь они не знают догматы собственной веры. И мне жаль, что в церкви пока очень мало сил, чтобы все-таки саму себя катехизировать и тем более чтобы заняться проповедью другим людям. Мне вообще кажется, что в нынешней ситуации мы о миссии слишком много говорим. Говорим, что хотели бы, чтобы в наши храмы пришло в пять раз больше людей. При этом хотим, чтобы нам не надо было сильно трудиться – а просто попросить прихожан, чтобы они сказали своим близким и друзьям: «Приходите!»... Но многие из них нашли что-то в церкви лично для себя и не готовы доверить это другим. Кроме того, не совсем понятно, куда звать. Если бы мы как церковь смогли бы создать такое пространство, куда бы действительно людям было интересно прийти...

У меня в юности был миссионерский опыт. В 19 лет я начал работать в Уфимской епархии. Все говорили: «Ничего невозможно. Уныние. У нас бедный приход. Никто не ходит. Молодежи нет...» Будучи горячим юношей, я решил проверить. Специально взял для эксперимента самый пустой приход на окраине Уфы, фактически в деревне, и с нуля там удалось построить работу, и действительно людей стали приглашать. Причем стали приглашать дети из воскресной школы. Детям стало интересно, дети стали звать друзей, друзья стали звать других друзей. Потом родителям детей стало интересно, что это дети стали в церковь ходить? У нас проблемы с людьми-то нет! Если бы мы захотели, мы могли бы к ним легко обратиться. Но мы сами не готовы их встретить, вот беда. Тут большой клубок наших церковных проблем. Это, конечно, пугает. Вот мы сейчас пишем руководство по миссии для Москвы, для наших миссионеров, и первое, с чего мы начнем говорить, это общины. Потому что какая может быть миссия без общин? Какое может быть преподавание ОПК?

Как вы думаете, почему некоторые люди боятся, что какой-то учитель будет хорошо преподавать основы православной культуры? Ведь ребенок же в церковь придет! Дойдет, посмотрит... А если учитель действительно что-то про Христа рассказал и еще ребенок что-то из Евангелия прочтет, то он придет, посмотрит и скажет: «Ребята, не про вас ли это написано в этой книге про книжников и фарисеев?»

Это не пессимизм. Я не говорю, что все плохо. Просто есть некий факт, и надо с ним работать. Я постоянно вижу такое явление, что верующие православные люди причащаются в православном храме, а за духовностью и за знанием уходят в харизматические церкви. Они там не молятся и не участвуют в каких-то харизматических кампаниях, но на катехизацию ходят туда, на какие-то встречи. Я уже нескольких таких людей встречал в

московских приходах. Меня это удивляет, но я понимаю: живая душа ищет и не всегда находит в нашей церкви жизнь. Это печально. Но, с другой стороны, есть же молодежь, есть надежда. И церковь каким-то образом теплится.

Иеромонах Димитрий (Першин), председатель Миссионерской комиссии при Епархиальном совете г. Москвы: Из того, что вы рассказали, следует, что родители

правы. В светской школе, где введен курс ОРКСЭ – «Основы религиозных культур и светской этики», – речь идет не о личном выборе, не о навыке молитвы и не о том,

истинно или ложно Священное Писание, а о том, как его понимают и что могут сказать о Боге представители различных религий. Поэтому в школе совершенно неуместен разговор, начало которого звучало бы так: «Мы сейчас с вами поговорим о нашем Боге. Наш Спаситель... наша вера...» А правильно вести этот разговор со школьниками так: «христиане считают, что...», «в книге, которая является авторитетной для христиан, говорится о том, что...». Потому что речь идет именно о культуре и тех смыслах, которые обнаруживает для себя образованный человек в этой традиции. Эти уроки по выбору адресованы и атеистам, и мусульманам, и иудеям, и агностикам, так, чтобы родители (которые и принимают решение) не опасались, что их детей будут «переформатировать» и заниматься прозелитизмом. Я как член редколлегии учебника «Основы православной культуры», написанного протодиаконном Андреем Кураевым и получившего одобрение Святейшего Патриарха Кирилла, могу сказать, что один из аргументов в пользу введения этого предмета заключался именно в том, что преподавать его будет не священнослужитель или воцерковленный мирянин, но дипломированный учитель, прошедший курсы специальной подготовки, личные взгляды которого не должны сказываться на качестве его уроков. И его задача научить не верить, но думать. Понимать логику и красоту православия и уметь отличать ее от подделок.

Библейские тексты представлены в учебнике – в небольшом объеме по ряду ключевых тем. Они даны в контексте христианской традиции. И ничто не препятствует учителю проводить дополнительные занятия для желающих. Но говорить с ними о Христе учитель должен не на языке катехизиса, не на языке проповедника, а на языке культуролога и религиоведа. Его задача в том, чтобы ребенок возвращался с этих уроков не проповедником христианства, а просто человеком, для которого оно перестало быть пространством иероглифов, пугающим и отстраненным. И он уже не спутает православие с «Богородичным центром» или страшилками пензенских закоряков. Чтобы для него икона Андрея Рублева или романы Пушкина и Достоевского, пронизанные евангельским провозвестием, стали дверями, ведущими в мир высокой европейской культуры. Чтобы этот мир стал частью его внутреннего мира. Но захочет ли он делать свой шаг навстречу Распятию и Воскрешению Автору этого мира, это уже вопрос, который не относится к компетенции учителя.

Если же говорить немного шире о целях любой катехизации, любой миссии, – их всего три: первое – чтобы расстояние между человеком и Богом после встречи с нами, христианами, не стало больше, чем было до этой встречи (гиппократовское «Не навреди»). Второе – чтобы меньше осталось каких-либо заминированных зон между человеком и Христом, чтобы после обзвещения этих мин он смог приблизиться к пониманию смыслов, заветов и надежд библейской традиции, чтобы он смог различить суть нашей веры. И третья задача нашей миссии – вовремя остановиться, самих себя подвинуть в сторону и сказать: «Господи, а теперь я говорю себе «Стоп», и жертва моих миссионерских усилий уже теперь сама придет или, может быть, не придет к Тебе». И дать возможность Промыслу и свободе человека встретиться во времени на планете Земля.

Если мы о чем-либо забываем из этого миссионерского целеполагания, то, случается, кого-то ставим на колени (иногда в буквальном смысле, когда детей наказывают чтением молитв, стоянием на коленках, поклонами – по дурному примеру позапрошлого века). А бывает, что человека пытаются дотащить до причастия чуть ли не на веревке.

Нам нельзя забывать о том, что наш Господь ни трости надломленной не преламывает, ни льна курящегося не угащает. Миссионерское измерение христианства предполагает ненасилие и доверие к людям и Богу, взошедшему ради них на Голгофу.

Беседовали Александра Колымагина и Анастасия Наконечная

От составителей

Вельск – небольшой старинный северный город, получивший к концу XVIII века статус уездного, а с ним герб и флаг. Расположенный между Архангельском и Вологодой, он входил попеременно то в одну, то в другую область.

В этом выпуске «Регионов» речь пойдет и о том, как отразилась на жизни города и окрестностей история XX века, и о поездке вельчан на архангельскую премьеру фильма о Преображенском братстве, и о недавней фотовыставке. Публикации подготовлены Свято-Стефановским братством, предыстория которого началась более двадцати лет назад. Вот как сами братчики рассказывают об этом: «За прошедшие двадцать лет мы всегда чувствовали ответственность за единственный действующий храм в родном городе. И мы сами, и наши родные, знакомые, близкие, друзья регулярно помогали и помогают приходу в хозяйственных делах: в 1990-е годы, когда храм отапливался печами, все вопросы с закупкой, колкой, уборкой дров лежали на наших плечах. Нашими

силами было устроено озвучивание храма. Мы участвовали и во многих других приходских заботах». Братство не ограничивает свою жизнь внутри-приходскими делами: много лет оно организует встречи, на которых рассказывает горожанам о вере и Церкви, концерты, выставки... К сожалению, последние два года новый настоятель храма протоиерей Андрей Ермилов открыл на братство настоящее гонение (об этом «Кифа» уже рассказывала на своих страницах). Людей, самоотверженно трудящихся для просвещения земляков, без всяких причин пытаются ославить как «еретиков». Уже два года настоятель отказывается их причащать, а остальных прихожан подбивает проявлять агрессию по отношению к тем, кто в течение многих лет стоит рядом с ними на службах (и продолжает стоять, несмотря на направленную против них бессмысленную и беспричинную злобу).

Мы вместе с вельчанами надеемся, что морок пройдет, гонения прекратятся, и их служение церкви будет наконец оценено по достоинству.

Редакция

Исторический герб города Вельска. Дата принятия 2 октября 1780 года. В верхней части щита герб Вологодский, в нижней части – «дегтем наполненная бочка в золотом поле в знак того, что обыватели того города оным производят знатный торг».

«В то время священников всех забирали, хотя наш батюшка зла никому не делал, был хороший человек»

Духовная жизнь в селе Ростовском Вельского района в 30-е годы XX века: по материалам исследовательской экспедиции Свято-Стефановского братства в 2013–2014 гг.

Мы, члены малого православного братства во имя святителя Стефана Великопермского, посчитали необходимым рассказать об опыте жизни верующих земляков, которые в нечеловеческих условиях сохраняли человеческое достоинство и тем самым свидетельствовали о верности избранному пути. В течение 2013–2014 гг. мы провели малую исследовательскую экспедицию в нашем районе, посвященную сбору материалов об исповедниках веры, как священнослужителях, так и мирянах.

Изучение духовного сопротивления православных христиан уничтожению веры в нашем районе до сих пор не проводилось, и участники экспедиции видели свою цель в начале работы по собиранию и сохранению памяти о мирном и непримиримом сопротивлении репрессиям советского государства против православных христиан Вельского района и духовном осмыслении этих трагических страниц нашей истории.

Исследования проводились в г. Вельске и Вельском районе (д. Заручевская, п. Аргуновский, д. Неклюдово, д. Заозерье, д. Макеевка, д. Возгретовская, с. Юхнёво, с. Долматово, с. Благовещенск, п. Усть-Шоноша). Собранный устный материал охватывает период 1930-х годов, некоторые сведения о более раннем периоде жизни фрагментарны и не имеют документального подтверждения. Вот рассказ о небольшой части того, что мы узнали, – данные о селе Ростовском

Вельского района, с которого и началась наша экспедиция.

Во время работы экспедиции были опрошены коренные жители с. Ростовского или их родственники, девять женщин и двое мужчин, родившихся в 1920–1930-х годах. Жителей интересующего нас периода в поселении осталось очень мало: многие уже ушли из жизни, некоторые покинули малую родину. Порой наши собеседники выражали недоверие и подозрительность. Это можно объяснить тем, что тема веры в силу событий XX в. являлась запретной, гонимой, поэтому к возобновлению памяти люди все еще относятся осторожно.

В беседе с нами жители села рассказывали о том, как церковная традиция передавалась следующему поколению. «Я помню наш храм с детства, меня бабушка Тиония Фирсовна тогда часто в храм водила. Храм был красивый. Придем, она меня на окно посадит, а сама в шеренгу, молится. Меня учила: «Вот ты положи в тарелочку монетку, пожертвование». Помню, что в церкви был шикарный большой иконостас, большущее паникадило со свечами в центре храма, как женщины на клиросе красиво пели молитвы. В церковь ходили больше старики, чем молодые. Они были более верующие. Нас в то время учили неверию, что Бога нет», – вспоминает коренной житель села Александр Николаевич (1926 г.р.).

«В то время священников всех забирали, хотя наш батюшка зла нико

Духовная жизнь в селе Ростовском Вельского района в 30–е годы XX века: по материалам исследовате

Другая коренная жительница с. Ростовского Галина Николаевна (1930 г.р.), встретившая нас с северным гостеприимством, сохранила такие воспоминания о приходе: «Батюшка в алтаре служил один, а у матушки Елены Васильевны были помощники во время богослужения. Внутри храма обустроено было красиво. Аналой покрывали старинными платками с цветами и кистями, на пол расстилали ковры. Люди приходили в церковь на службу через лавы за реку со всех деревень. В храме было много людей, особенно летом, но в основном ходили дети, старики, и женщины. Молодежи не было. Люди работали в колхозе с утра до вечера, а выходных не было. Во время войны работали с раннего утра и до 23 часов. В церковь нас не отпускали, надо было много работать. В колхозе трудились женщины и дети, на них все и держалось. Мужчин почти не было».

В 1920–1930-х годах многие священнослужители были арестованы и сосланы в лагеря, многие приняли там мученическую кончину. Местный житель (1926 г.р.) с. Ростовского вспоминает: «В нашем селе служил священник Степан Васильевич Никитинский. Я знал священника и его жену Елену Васильевну. Наша семья жила с ними в одном доме. Семья Никитинских жила скромно в мезонине, детей у них не было. В квартире все самое необходимое – кровать, стол, в углу иконы. Елена Васильевна работала учительницей, преподавала. Супругов Никитинских в 30-е годы арестовали и выслали, т. к. в то время всех священников арестовывали. Отец Степан отбывал срок в Усть-Сысольске». Также из рассказа мы узнали, что после ссылки священнику жилось нелегко, т. к. скромное его имущество было полностью конфисковано и продано в сельсовете с торгов. Средств к существованию у него не было, поэтому жил на подаяние людей. Вскоре в с. Ростовском устроился работать в колхоз, занимался строительством лав через реку Вель, плотничал. Стало известно, что в Усть-Подюге у Степана Васильевича были родственники, у которых после войны он какое-то время жил. Там с ним произошел несчастный случай – он попал под поезд. Из воспоминаний сельской жительницы (1930 г.р.) узнаём, что отец Степан помогал их семье по хозяйству, что матушка Елена тоже была доброй и отзывчивой на нужды людей. До замужества она учительствовала, преподавала в Ростовской школе, а когда вышла замуж, то ей не разрешили преподавать. На матушку Елену заявила в сельсовет одна из жительниц села, «которая просила у Елены Васильевны самоварчик продать, а она не продала, отказала». Наша землячка Галина Николаевна (1930 г.р.) рассказала, как за Степаном Васильевичем и за Еленой Васильевной приехали осенью поздним вечером в батюшкин день рождения два человека в черных плащах и их арестовали, «в то время священников всех забирали, хотя наш батюшка зла никому не делал, был хороший человек. В деревне относились к нему с уважением».

Из архивной справки читаем: «Никитинский Степан Васильевич, протоиерей, родился в 1882 г. До 1925 г. – трудился псаломщиком при сельской церкви. С 1925 – служил священником. В 1933 г. арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» как активный участник «контрреволюционной группировки церковников и иосифлян». В 1933 г. по постановлению тройки ПП ОГПУ выслан в Северный край на три года. Наказание отбывал в Коми обл. После освобождения проживал в д. Возгрецовская Вельского р-на Архангельской обл. Служил при церкви Ростовского с/с. В 1937 г. арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации». Участвовал в тайных богослужениях. 1937 г. – по

постановлению тройки УНКВД заключен в ИТЛ на 10 лет. 15.09.1989 г. реабилитирован».

Александр Николаевич (1926 г.р.) вспоминает о Елене Васильевне Никитинской: «Помню, как мы с ребятами шли в школу, а заключенных по этапу вели. Они мне навстречу попались. Матушка Елена Васильевна меня перекрестила, заплакала, так и разошлись походя». Архивные документы раскрывают судьбу матушки Елены: «Псаломщица Никитинская Елена Васильевна, родилась в 1878 г. Проживала в д. Возгрецовская Вельского р-на Архангельской обл. Трудилась в приходской церкви. В 1938 г. постановлением особого совещания тройки ОНКВД приговорена к расстрелу. 1938 г. – расстреляна. 28.09.1989 г. – реабилитирована посмертно».

Из архивных документов узнаём и о судьбе прот. Кириллова Александра Федоровича: «Родился в 1873 г. Был настоятелем Свято-Троицкого собора до его закрытия. 1934–1937 гг. после закрытия собора в своем доме совершал тайно богослужения. 1937 г. – арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации» как участник «контрреволюционной группировки церковников». 1937 г. – постановлением тройки УНКВД приговорен к расстрелу. 1937 г. – расстрелян. 17.07.1989 г. – реабилитирован посмертно».

Бывшая селянка с. Ростовского (1935 г.р.), вспоминая рассказы своей бабушки о священнике, сообщила: «Он был основным священником на Вознесенском приходе до 30-х годов. У священника в этом селе был дом. Отец Александр тоже был отправлен в ссылку. После того как вся церковная деятельность прекратилась, в его доме устроили сельсовет, клуб, библиотеку, привозили, показывали кино». О том, что о. Александр служил в Ростовском приходе до 1915 г., рассказала его внучка Людмила Леонтьевна. Из ее воспоминаний мы узнали, что «отец Александр служил в Ростовском приходе примерно с 1900 по 1915 г. В этом селе родилась и моя мама. Отец Александр, мой дедушка, в с. Ростовском выстроил церковно-приходскую школу. После 1915 г. служил в Вельском Преображенском соборе, был там последним настоятелем. При нем все закрывалось в 30-м году. После закрытия собора он служил в Успенской церкви до 33-го года. Матушка о. Александра, моя бабушка Александра Ивановна, была грамотная, умела писать красивым каллиграфическим почерком. Она с прихожанами во время войны писала прошения, ходатайства, чтобы открыли церковь. Они писали несколько раз. Напишут. «Наверно, не дошло», – и снова пишут. Матушка Александра была в этом самая активная».

Архивные факты свидетельствуют, что под репрессии попал и свящ. Николай Земляничин (1891 г.р.), который служил в Ростовском приходе еще до революции. Из его анкеты узнаём, что у отца Николая на воспитании было два малолетних сына 2 и 10 лет. Свой дом и имущество семье пришлось продать за налоги и проживать на частной квартире. В дальнейшем его судьба схожа с судьбой многих священнослужителей того периода. В 1933 г. арестован по обвинению в «антисоветской агитации» как организатор и руководитель «контрреволюционной группировки духовенства и церковников» и по постановлению тройки ПП ОГПУ заключен в концлагерь на восемь лет. Освобожден от наказания досрочно по болезни. После освобождения возвратился в свой приход. В 1937 г. арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации». Говорил в проповедях о притеснении верующих в религии. По постановлению особого совещания тройки УНКВД заключен в ИТЛ на 10 лет. 28.09.1989 г. – реабилитирован. Пострадал за религиозные убеждения уроженец с. Ростовского свящ. Алексей

му не делал, был хороший человек»

ской экспедиции 2013–2014 гг.

Начало на с. 1

Петухов. Из архивного справочника узнаём: «До ареста служил священником при церкви с. Кизи Кемского уезда Архангельской губернии 1937 г. – арестован по обвинению в «контрреволюционной деятельности». 1937 г. – постановлением тройки УНКВД приговорен к расстрелу. 1937 г. – расстрелян. 20.03.1958 – реабилитирован посмертно».

Вместе со священнослужителями за веру пострадал и мирянин из «церковного актива». Несмотря на преклонный возраст (70 лет), попал под приговор крестьянин, председатель церковного совета Дорофей Нестерович Фалалеев, который в течение 13 лет трудился псаломщиком при Вознесенской церкви Ростовского прихода. Архивные документы подтверждают: «1930 г. – арестован по обвинению в «антисоветской агитации». Противодействовал направлению приходского священника на лесозаготовки. 12.09.1989 г. – реабилитирован».

С середины 1928 г. начала расти волна ликвидации церквей. Органы власти ставят задачу полного «искоренения» действующих храмов.

Из 34 церквей к 1944 году в Вельском районе не сохранилось ни одной действующей церкви. В нашем распоряжении имеется заключение о «необходимости» закрытия Ростовской церкви Кьяндского сельсовета от 21 февраля 1930 г., составленное начальником Вельского административного отделения М.И. Пакшиным. В нем говорится, что на общем собрании «из числа актива и бедноты единогласно постановили здание церкви использовать для культурных целей Кьяндской сельско-хозяйственной артели... большинство населения выражает свои желания об использовании церкви не как для проведения религиозных обрядов граждан... население испытывает нужду ввиду перехода всего Сельсовета в трудовую Сельско-хозяйственную артель, где для проведения массовой работы потребуется здание с большим вмещением населения такового в пределах Сельсовета за исключением церкви не имеется...». Все, что требовалось от местных органов власти, – это грамотно оформить документы, чтобы соблюсти видимость «законного» закрытия храма.

Вот что вспоминает местный житель села Ростовского Александр Николаевич: «Когда храм закрыли, то паника-дико, часть книг, ризы священников увезли в город. Иконы забирали себе люди домой, а некоторые иконы увезли в городскую церковь. С детства помню, много на колокольне разных колоколов. Один из них очень большой. Я видел, как сбрасывали колокола с церкви. Сначала самый большой спустили. Колокол врылся в землю и не разбился. Потом спустили колокола, которые поменьше, и они наполовину разбились. Маленькие колокола уже спокойно скидывали. Колокольня была закрыта с четырех сторон решетками. Их разбили позже. Вначале церковь не закрывали, и мог зайти туда каждый человек. Поэтому плиты, которыми был выстлан пол в церкви, люди растащили на свои нужды. В обеих церквях устроили колхозные склады. В Ильинской церкви хранилось колхозное сено, а в Вознесенской церкви зерно и разные корма для скота». Эти сведения подтверждает его сестра (1930 г.р.). Она также помнит, как снимали крест и колокол, как закрыли церковь, а потом многие вещи и иконы просто выбросили из церкви на улицу. «А когда дали председателю сельсовета ключ, то он этим воспользовался: для своей коровы в церкви хранил собственное сено».

Вот воспоминания бывшей уроженки с. Ростовского (1935 г.р.): «Из церкви разбирали, кто что хотел. Иконы валялись на улице. На реке женщины полоскали белье с иконы Николая Чудотворца».

Для верующих людей села Ростовского ликвидационная

Церковь Ильи Пророка в с. Ростовском.
Фото Н. Телегина. Сайт «Деревянное зодчество»

кампания явилась первым горьким опытом потери своего приходского храма. Совершать совместное богослужение местным жителям стало нелегко. Наши земляки рассказывают: «После заключения отец Степан уже в храме не служил, т. к. церковь была закрыта. Люди нуждались в помощи священника. Батюшку приглашали к себе домой, и к нему в квартиру ходили верующие люди. Это всё делалось тайно, люди боялись. Мы к батюшке не ходили, т. к. мама запрещала». Из воспоминаний людей мы узнали, что о. Степан был очень мирным человеком, пользовался уважением. К нему приходили люди из разных деревень. После ссылки он какое-то время служил в Вознесенской церкви до ее закрытия. После закрытия церкви служить ему было нелегко, но люди обращались за помощью. Отец Степан тайно крестил людей, тайно исповедовал на дому. Так вспоминает местная жительница: «Верующие люди ходили к отцу Степану в мезонин. Всё делали, как полагалось на праздники, или исповедовались».

Людмила Леонтьевна (1937 г.р.) помнит из рассказов мамы, как ее дедушка Александр Федорович Кириллов не оставлял попечения о своих чадах после закрытия храма: «...но люди все равно приходили к нему, просили покрестить. Я помню с детства, как у нас в доме была желтая купель. Люди ходили домой на исповедь и по большим праздникам».

Собранные материалы о религиозной жизни наших земляков периода 30-х годов дают возможность увидеть типичную для всей страны картину разрушения церкви и репрессий в отношении верующих, вспомнить о судьбах людей, по жизни которых прокатилось «красное колесо». По преданиям самым известным исследованием стало известно, что предавали за религиозные убеждения в селе Ростовском Вельского р-на 6 человек. Из них 4 священнослужителя, 1 псаломщик, 1 мирянин. Однако разгром церковной организации не привел к желательным для советских властей результатам. Вера лишь приняла другие формы: совершались тайно богослужения на дому, там же проводилась исповедь, крещение людей, говорились проповеди, почитались церковные праздники, писались прошения против закрытия храмов.

Несмотря на закрытие храмов, на репрессии со стороны властей, на равнодушие и бесчинства части односельчан, религиозная жизнь в селе Ростовском не прекращалась, благодаря мужеству священников и мирян ощущение приходского сообщества сохранялось. Особое значение имела стойкость людей, которые оживляли Церковь изнутри, несмотря на то, что внешние обстоятельства тому препятствовали. Они находили в себе силы действовать согласно своей совести, убеждениям, проявляя стойкость в самоотверженном служении Церкви.

Из доклада Н.Г. Романовой «Духовная жизнь в селе Ростовском Вельского района в 30-е годы XX века по материалам исследовательской экспедиции 2013–2014 гг.»

Премьера фильма «Братство» в Архангельске

Фильм известного режиссера Александра Гутмана был показан в красивом зале научной библиотеки – Интеллектуального центра Северного (Арктического) федерального университета. В зале собрались священнослужители, члены Содружества малых православных братств, гости. От Архангельской и Холмогорской епархий присутствовали о. Артемий Ведерников, секретарь епархии, и иг. Феодосий (Нестеров), руководитель отдела по взаимоотношениям Церкви и общества. Мы, члены Свято-Стефановского малого православного братства, входящего в большое Преображенское братство, конечно, не могли пропустить это событие и с радостью приняли приглашение приехать на премьеру.

В Архангельск в этот день приехали создатели фильма: Наталья Сергеевна Микова, член Союза журналистов России, член Союза кинематографистов, соавтор фильма, и Сергей Викторович Литвяков, заслуженный деятель искусств РФ, сорежиссёр.

Фильм «Братство» знакомит зрителей с жизнью Преображенского братства, но он не рассказывает о форме, структуре, организации его, а передает дух, смысл, общение православных христиан в наше время. «Мы только надеемся, – отметил Дмитрий Сергеевич Гасак, председатель Преображенского братства, – что плодом фильма станет не просто свидетельство, что Церковь жива, а что именно к православию, к христианству, к Господу Богу необходимо обратиться, чтобы была явлена перспектива жизни не только отдельно взятого человека, а и всего нашего народа и не в плане экономическом,

политическом и даже культурном, а в личностном и духовном».

Рассказывая о том, как снимался фильм, Наталья Микова поделилась, как ей после съемок было трудно возвращаться домой к «нормальной жизни», где на кого-то можно было рассердиться, на кого-то накричать, сделать замечание. Было такое ощущение, что некоторое время находилась в другом мире, где собрались люди, чтобы увеличить меру добра в этом мире.

После просмотра фильма Антон Андреевич Полуэктов, канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения САФУ, сказал, что сейчас есть много фильмов о религии, христианстве, вере, и все они подразделяются на две категории: либо о «елейном» христианстве, о строящихся и украшаемых храмах, либо фильмы, пытающиеся очернить христианскую религию вообще. Для ученого этот фильм оказался исключением: в нем показано строительство Церкви как собрания живых людей, вера, которую они несут в мир. К своей радости, он смог увидеть, как живут современные верующие. И для него это крайне ценный и полезный опыт.

Удивительным было выступление Василия Георгиевича Трофименко, канд. ист. наук, автора диссертации «Возникновение и деятельность православных братств на Европейском севере в 1864–1918 годах». Он увидел некое «историческое дежавю» – то, что от фильма веет теми же покоем и радостью, которые присущи истинно верующим христианам, замеченным им при изучении документов прошлых веков, при знакомстве с дореволюционными

братствами. По словам Василия Георгиевича, знакомясь с жизнью новых братств, обретаешь надежду: нашему обществу, стране высшими силами дан еще один шанс, чтобы не свернуть с истинного пути. В заключение он высказал пожелание, чтобы братство стало всероссийским явлением, каким оно постепенно и становится.

Конечно, были и еще выступления, пожелания, подарки – и всё в добром и мирном духе. В заключительном слове Д.С. Гасак говорил о том, что мы разучились жить вместе, что нам не хватает даже в церковной ограде духа братского единства, но все же веяние этого духа становится сильнее. Он подчеркнул, что Церковь должна нести свидетельство надежды, Церковь заслужила жить свободно, свидетельствовать о Христе, являть эту любовь к Богу и к ближнему.

В конце вечера во время фуршета продолжилось обсуждение фильма, обмен мнениями и общение.

О том, что фильм произвел на них большое впечатление, представители епархии рассказали Дмитрию Гасаку и представителям архангельских малых православных братств Ирине Пономарёвой и Сергею Машьянову

Снять слона или гиппопотама еще не значит сделать фотографию

За помощью в подготовке, организации и проведении выставки фотографа М.А. Дашевского представители нашего Свято-Стефановского православного братства обратились в Вельскую картинную галерею, руководители которой с радостью откликнулись на это предложение. На торжественном открытии выставки присутствовали мэр города Игорь Рогозин и вельские фотографы.

В Вельске открылась выставка московского фотографа Михаила Дашевского «Затонувшее время»

Работы фотографа заставляют нас увидеть в простой, обыденной, повседневной жизни красоту. Она может быть радостной или грустной, необычной и удивительной. Каждая фотография пронизана любовью к родному городу, родной земле, близким или совершенно незнакомым людям. И хочется надеяться, что, познакомившись с творчеством Михаила Дашевского, мы будем больше замечать красоты и любви вокруг нас в том простом и обыденном, что нас окружает каждый день.

Конечно, только автор может рассказать о своих работах так, как он их видит. Поэтому для Вельска приезд Михаила Дашевского и его друга фотографа Александра Фурсова – настоящий подарок и большое событие, возможность общения с профессиона-

лами, культурными, очень открытыми людьми, настоящими представителями еще той, советской интеллигенции, поколения шестидесятников.

Безусловно, каждая такая встреча оставляет глубокий след в сердце и находит отклик среди людей. Куда бы мы ни приходили вместе с гостями: на встречу с братством или юными фотографами, в музей на экскурсию или просто в магазин, везде рождалось настоящее общение. Эти люди, как свечи, зажигают всех вокруг, и открывается много нового и интересного, а давно известное обретает новую глубину и смысл.

Материалы приводятся в незначительном сокращении.

Полностью они опубликованы в блоге Свято-Стефановского братства <http://stefanovskoe.livejournal.com/>